DK 131
.T 72
L903

4219

TSAR'-RABOTNIK, IMPERATOR PETR VELIKII

4719

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in book pocket

TSAR-RAEOTNIK-IMPE

PARTIAL TITLE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK131
.T72
1903

DEMCO

4717

00005996853

Е. ГАФФЕ-БЕЛГЪ.

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ,

DK131
.T72
1903

императоръ

Петръ Великій,

TSAR'-RABOTNIK, IMPERATOR
PETR VELIKII

ЕГО ЖИЗНЬ

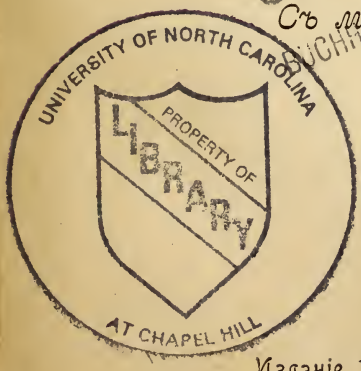
и

СЛАВНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

OLGA DIAKOW & CO.
G. M. B. H.
BUCHHANDLUNG-VERLAG-BIBLIOTHEK
23. FEB. 1921
BERLIN W. 62
BAYREUTHER-STRASSE 45.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL



Изданіе Т-ва И. Д. Сытина, въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. Москва, 22 апрѣля 1903 г.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина. Валовая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1903.

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ,

ИМПЕРАТОРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Императоръ Петръ Великій.

ЦАРЬ-РАБОТНИКЪ, ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

I.

Петръ Великій родился 30 мая 1672 года и былъ младшимъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Царь Алексѣй былъ женатъ два раза; въ первый разъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, еще въ молодыхъ годахъ, женился на дочери незнатнаго дворянина Ильи Даниловича Милославскаго, и двадцать одинъ годъ жилъ съ Марьей Ильиничной въ любви и согласіи. Богъ благословилъ этотъ бракъ пятью сыновьями и восемью дочерьми. Первенецъ ихъ, Димитрій, скончался младенцемъ; второй сынъ — Алексѣй достигъ совершеннолѣтія, былъ торжественно объявленъ народу по обычаю и принималъ пословъ, какъ наслѣдникъ престола; онъ уже началъ раздѣлять съ отцомъ труды правленія, когда жестокіе удары судьбы одинъ за другимъ поразили сердце государя: въ 1669 году Алексѣй Михайловичъ потерялъ любимую супругу, чрезъ три мѣсяца — четырехлѣтняго сына Симеона, а чрезъ полгода — шестнадцатилѣтняго царевича Алексѣя.

Царь овдовѣлъ сорока лѣтъ. Грустно смотрѣлъ онъ на двухъ оставшихся у него сыновей—Ѳеодора и Іоанна, больныхъ и хилыхъ, видя въ нихъ преемниковъ ненадежныхъ, и черезъ два года, по кончинѣ царицы, рѣшилъ жениться во второй разъ на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной.

Потерявъ первую жену — Марью Ильиничну, изъ рода Милославскихъ, царь часто навѣщалъ одного изъ своихъ приближенныхъ Артамона Сергѣевича Матвѣева. Матвѣевъ, очень умный, а по тогдашнему и образованный человѣкъ, будучи начальникомъ посольскаго приказа, который велъ

всѣ сношенія съ иностранными государствами, часто сталкивался съ иноземцами и отчасти даже самъ жилъ на иностранный ладъ. Домъ свой онъ устроилъ по-заграничному, обставилъ его привозной мебелью, украсилъ часами, картинами, и, кромѣ того, перенялъ у иностранцевъ обычай не

Царь Алексѣй Михайловичъ.

держать взаперти свою жену и дочерей, какъ это дѣлалось тогда у другихъ знатныхъ людей нашихъ.

Въ одно изъ посѣщеній царя Матвѣевъ представилъ ему дочь своего стараго друга, небогатаго дворянина Кирилла Полуектовича Нарышкина, воспитывавшуюся въ его домѣ.

Красивая, скромная и благочестивая Наталья Кирилловна очень понравилась государю, который, бывая у Матвѣева, каждый разъ подолгу разговаривалъ съ молодой дѣвушкой и, наконецъ, плѣненный ея качествами, рѣшилъ на ней жениться.

Наталья Кирилловна Нарышкина.

Какъ-то, говоря съ Матвѣевымъ, царь замѣтилъ ему:

— А, что, Сергѣичъ, не думаешь ли ты, что пора твоей воспитанницѣ и замужъ итти?

— Пора, государь, — отвѣтилъ Артамонъ Сергѣевичъ, — да вотъ бѣда: приданаго за ней почитай что вовсе нѣтъ.

— Ну, значитъ, нужно ей поискать жениха, который былъ бы самъ богатъ, чтобы за женинымъ приданымъ не гнался, — проговорилъ тогда Алексѣй Михайловичъ.

Черезъ нѣкоторое время царь снова сказалъ Матвѣеву:

— А вѣдь я жениха-то для твоей воспитанницы нашелъ.

Боярин Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

— Кого же это, государь?

— Себя самого, Сергѣичъ.

Долго не хотѣлъ вѣрить Матвѣевъ такому счастью, выпавшему на долю бѣдной, незнатной дѣвушки, но царь скоро торжественно объявилъ о своемъ выборѣ и вступилъ въ бракъ, отъ котораго суждено было родиться первому русскому императору.

Младшій сынъ царя Алексѣя Михайловича не походилъ на своихъ старшихъ братьевъ, очень болѣзненныхъ и слабыхъ.

Дѣтскіе годы Петра Великаго.

Царевичъ Петръ съ колыбели отличался необычайнымъ здоровьемъ, силой и живымъ нравомъ и несказанно радовалъ этимъ своего родителя. Онъ необыкновенно рано началъ говорить и ходить, при чемъ, по преданію, былъ такой живой, что не ходилъ, а все бѣгалъ.

Петру шелъ лишь четвертый годъ, когда скончался его отецъ, и на престолъ вступилъ старшій царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ царица Наталья Кирилловна и ея родственники, въ томъ числѣ и бояринъ Матвѣевъ, находились не въ милости, царица-вдова жила очень тихо, не принимая никакого участія въ дворцовой жизни. Поэтому маленькій царевичъ Петръ росъ безъ такого строгаго присмотра, какой существовалъ обыкновенно надъ царскими дѣтьми. Живость его нрава съ каждымъ годомъ увеличивалась, и онъ все время проводилъ въ веселыхъ и шумныхъ играхъ, преимущественно на чистомъ воздухѣ, отчего здоровье и силы малолѣтняго царевича все болѣе и болѣе укрѣплялись. Первые годы младенчества онъ провелъ большею частью въ подгородномъ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою. Сюда каждую осень переселялся царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ; здѣсь онъ тѣшился театральными представленіями при звукахъ нѣмецкой музыки, еще болѣе соколиною охотою, которую любилъ до страсти. Здѣсь родились первыя впечатлѣнія въ душѣ Петра, и село Преображенское осталось навсегда любезнымъ его сердцу. Желая избѣгнуть придворныхъ интригъ, Наталія Кирилловна жила большею частью въ селѣ Преображенскомъ.

Пяти лѣтъ царевича начали учить грамотѣ.

Выборъ учителя былъ рѣшенъ извѣстнымъ подвижникомъ древне-русской благочестивой старины конца XVII вѣка бояриномъ Ѳедоромъ Прокофьевичемъ Соковнинымъ. Онъ указалъ царицѣ на «мужа кроткаго и смиреннаго, всѣми добродѣтелями исполненнаго и въ грамотѣ искуснаго». То былъ Никита Моисеевъ, сынъ Зотовъ, подьячій, впослѣдствіи дьякъ приказа большого прихода.

Учась бойко и охотно, маленькій Петръ особенно любилъ слышать разные разсказы и разсматривать книжки съ картинками. Зотовъ доложилъ объ этомъ царицѣ; Наталья Кирилловна велѣла выдать ему рукописи съ рисунками изъ дворцовой библіотеки и заказала живописнымъ мастерамъ

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Оружейной палаты нѣсколько новыхъ иллюстрацій. Такъ составилась у Петра коллекція «потѣшныхъ» тетрадей, въ которыхъ нарисованы были золотомъ и красками зданія и «исторіи въ лицахъ съ прописьми», т.-е. иллюстрированныя повѣсти и сказки съ текстомъ. Всѣ эти тетради, писанныя лучшими мастерами, Зотовъ раскладывалъ въ комнатахъ царевича. Замѣчая, что отличавшійся живостью характера малолѣтній Петръ иногда тяготится чтеніемъ книги, Зотовъ

отрывалъ его отъ чтенія и показывалъ ему иллюстраціи, привозимыя въ Москву изъ-за границы и извѣстныя подъ именемъ «потѣшныхъ фряжскихъ или нѣмецкихъ листовъ». Эти листы, изображая историческія или этнографическія сцены, могли дать любознательному ребенку, какимъ былъ царевичъ Петръ, много матеріала для размышленія. Кромѣ того, Зотовъ, показывая царственному ученику лѣтописи, украшенныя многими рисунками, и объясняя ихъ, разсказывалъ про русскихъ историческихъ людей, упоминалъ о главнѣйшихъ дѣяніяхъ царей Михаила и Алексѣя, а также и знаменитыхъ государей и великихъ князей древней Руси, какъ Димитрій Донской, Александръ Невскій и Владиміръ Святой.

Едва минуло царевичу Петру десять лѣтъ, какъ первоначальное его образованіе было прервано, и силою историческихъ обстоятельствъ на нѣкоторое время онъ былъ предоставленъ самому себѣ.

II.

27 апрѣля 1682 года, скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Большая часть знатныхъ бояръ: Одоевскіе, Черкасскіе, Долгорукіе, Ромодановскіе, Троекуровы, Репнины желали видѣть царемъ сильнаго и живого, высокаго и красиваго юношу, какимъ выглядѣлъ десятилѣтній царевичъ Петръ. Престарѣлый патріархъ Іоакимъ, любя набожную и щедрую къ монастырямъ царицу Наталью Кирилловну, былъ также на сторонѣ младшаго царевича. Петръ всенародно былъ провозглашенъ на царство.

Избраніе Петра было великимъ торжествомъ для Нарышкинской партіи и жестокимъ ударомъ для Милославскихъ. Царевны, по тогдашнему обычаю, при избраніи не присутствовали; между тѣмъ, честолюбивая Софья Алексѣевна, вторая дочь Алексѣя Михайловича, окруженная своими сестрами и тетками, съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ окончится избраніе. Явился патріархъ и сказалъ ей:

— По единодушному рѣшенію народа избранъ царемъ всея Россіи царевичъ Петръ Алексѣевичъ.

— Это избраніе неправо!— съ горячностью воскликнула царевна, отличавшаяся пылкимъ характеромъ. — Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть царемъ!

— Нельзя, царевна, отмѣнять народное рѣшеніе,—кротко, но твердо замѣтилъ патріархъ.

— Можно предложить народу предоставить царскую власть двумъ братьямъ, Іоанну и Петру Алексѣевичамъ,— проговорила не безъ волненія царевна Софья.

Царевна Софья.

— Многоначаліе пагубно,—возразилъ святитель,— да будетъ единъ царь: такъ угодно Богу.

Съ этого времени Софья открыто стала дѣйствовать противъ Нарышкиныхъ. При помощи стрѣльцовъ, она послѣ долгихъ усилій добилась, наконецъ, своего: на царство были избраны оба царевича, Іоаннъ и Петръ, сама же она была назначена правительницей впредь до совершеннолѣтія Петра.

23 іюня 1682 года въ Успенскомъ соборѣ происходило вѣнчаніе на царство обоихъ братьевъ, Іоанна и Петра вмѣстѣ, при чемъ для младшаго изъ нихъ были сдѣланы корона и другія регаліи (т.-е. принадлежности царской власти) совершенно такія же, какъ и древнія, которыми вѣнчались цари наши со временъ Іоанна IV; сдѣланъ былъ также и двойной тронъ, съ закрытымъ позади его мѣстомъ для царевны Софьи, откуда она могла подсказывать своимъ братьямъ, что имъ дѣлать и что говорить.

Коронованіе царей-братьевъ Іоанна и Петра.

Царевичъ Петръ 10-ти лѣтъ.

III.

Во время кровавыхъ событій, происходившихъ въ Москвѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1682 года и поднятыхъ царевной Софіей изъ-за избранія царемъ младшаго брата, 10-лѣтній царь Петръ пережилъ не мало тяжелыхъ минутъ, воспоминаніе о которыхъ навсегда сохранились въ его сердцѣ и памяти. Изъ его рукъ былъ вырванъ стрѣльцами старикъ Матвѣевъ; на его глазахъ былъ убитъ стрѣльцами дядя Иванъ Кириловичъ Нарышкинъ. Его матери, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, и ему самому грозила отъ стрѣльцовъ опасность

ежеминутной смерти. Юный царь былъ такъ потрясенъ всѣмъ этимъ, что отъ испуга у него явились и остались на всю жизнь трясеніе головы и гримасы на лицѣ, которыя наблюдались всегда въ минуты сильнаго гнѣва и нервнаго потрясенія или разстройства. Чувство непріязни къ Милославскимъ, воспитанное раньше, перешло въ ненависть, когда Петръ узналъ, насколько они виноваты

Умерщвленіе Ивана Кирилловича Нарышкина.

въ стрѣлецкихъ движеніяхъ. Съ ненавистью относился онъ и къ стрѣльцамъ, называя ихъ «сѣменемъ Ивана Михайловича» (т.-е. Милославскаго), потому что съ представленіемъ о стрѣльцахъ у него соединялось воспоминаніе о кровавыхъ событіяхъ 1682 года. Эти событія совершенно вытѣснили его мать, царицу Наталью Кирилловну, изъ московскаго Кремля и заставили ее удалиться въ подмосковное село Преображенское, которое было любимымъ мѣстопребываніемъ ея покойнаго мужа, царя Алексѣя Михайловича. Здѣсь и росъ на свободѣ Петръ, лишенный

возможности получить правильное дальнѣйшее образованіе. Можно себѣ представить, какъ мало занимательнаго было для мальчика въ комнатахъ матери: онъ видѣлъ вокругъ себя вѣчно-печальныя лица, слышалъ постоянныя жалобы на неправду людскую, на падчерицу, т.-е. на царевну

Стрѣльцы-начальники.

Софью, и ея злыхъ совѣтниковъ. Но природа щедро одарила юнаго царя и здоровьемъ, и красотой, и живостью, и умомъ, и силой духа. Не находя дома духовной пищи въ достаточномъ количествѣ, Петръ самъ сталъ искать на дворѣ и въ садахъ Преображенскаго дворца такихъ занятій и развлеченій, которыя могли бы до извѣстной степени удовлетворить живого, пылкаго и любознательнаго ребенка. Еще при царѣ Ѳеодорѣ онъ выпросилъ себѣ въ товарищи

молодыхъ конюшенныхъ служителей. Позднѣе у Петра явилась цѣлая толпа товарищей, съ которыми онъ забавлялся различными играми, и главнымъ образомъ — игрой въ солдаты. Мать-царица, Наталья Кирилловна, никогда не стѣсняла любимаго единственнаго сына, а воспитатель Петра, князь Борисъ Голицынъ, не слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Самъ выбирая себѣ товарищей изъ придворныхъ и дворовыхъ служителей, юный царь съ этими товарищами предавался попрежнему военнымъ забавамъ.

Съ 1683 года, вмѣсто «потѣшныхъ ребятокъ», около Петра видимъ «потѣшные полки» («потѣшными» полки Преображенскій и Семеновскій названы не потому, что служили только для потѣхи, а потому, что стояли въ потѣшныхъ подмосковныхъ селахъ).

Въ отношеніи къ солдатамъ первыхъ потѣшныхъ полковъ Петръ былъ не государемъ, а товарищемъ-соратникомъ, учившимся наравнѣ съ ними военному дѣлу, хотя своею внѣшностью юный царь отличался отъ всѣхъ своихъ товарищей: онъ былъ статенъ, высокъ ростомъ; на головѣ вились темнорусыя кудри, на щекахъ игралъ румянецъ; въ большихъ черныхъ глазахъ сверкали умъ и огонь; голосъ былъ звучный, походка и всѣ движенія смѣлы и живы. Долгое время онъ служилъ въ потѣшномъ войскѣ рядовымъ; на службѣ спалъ вмѣстѣ съ другими въ шатрѣ или въ караульнѣ на лавкѣ; ночью и днемъ выстаивалъ свою очередь часовымъ; вмѣстѣ съ другими товарищами ѣлъ простую солдатскую пищу; въ земляной и всякой иной тяжелой работѣ принималъ участіе наравнѣ съ другими.

По сосѣдству съ селомъ Преображенскимъ, у самой Москвы, еще въ XVI в. существовала Нѣмецкая слобода; она сгорѣла въ началѣ XVII в., но указомъ царя Алексѣя Михайловича, около половины XVII в., это предмѣстье было возобновлено. Религіозныя побужденія заставили царя выселить сюда иностранцевъ, до того времени проживавшихъ въ самой столицѣ.

Сюда, т.-е. въ Нѣмецкую слободу, обратился Петръ за новыми потѣхами, какихъ онъ не могъ придумать съ своими

«потѣшными» солдатами. Въ Нѣмецкой слободѣ, населеніе которой состояло, главнымъ образомъ, изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ и нѣмцевъ, жили врачи и купцы, пасторы и офицеры, инженеры и мастера. Одинъ изъ этихъ мастеровъ, Зоммеръ, въ 1684 г. показывалъ юному Петру

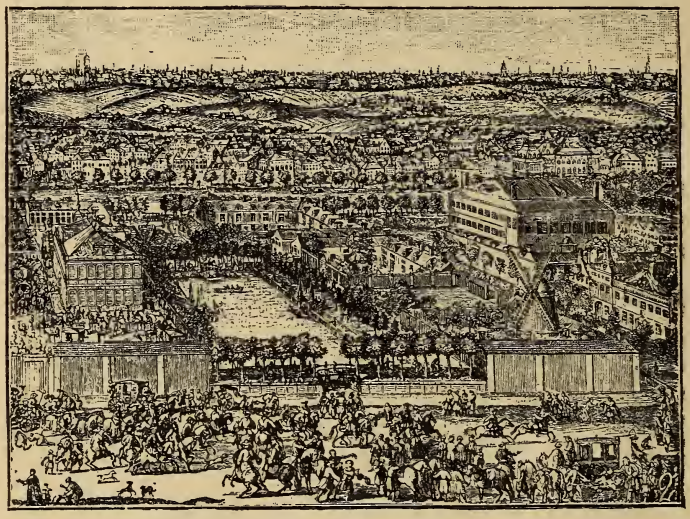
Стрѣльцы - рядовые.

гранатную стрѣльбу, которая сдѣлалась впослѣдствіи любимой его потѣхой.

Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческой силой его генія; но та минута,—когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ въ полусгнившій ботъ, около полвѣка валявшійся въ амбарѣ его дѣда Никиты Ивановича Романова, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ

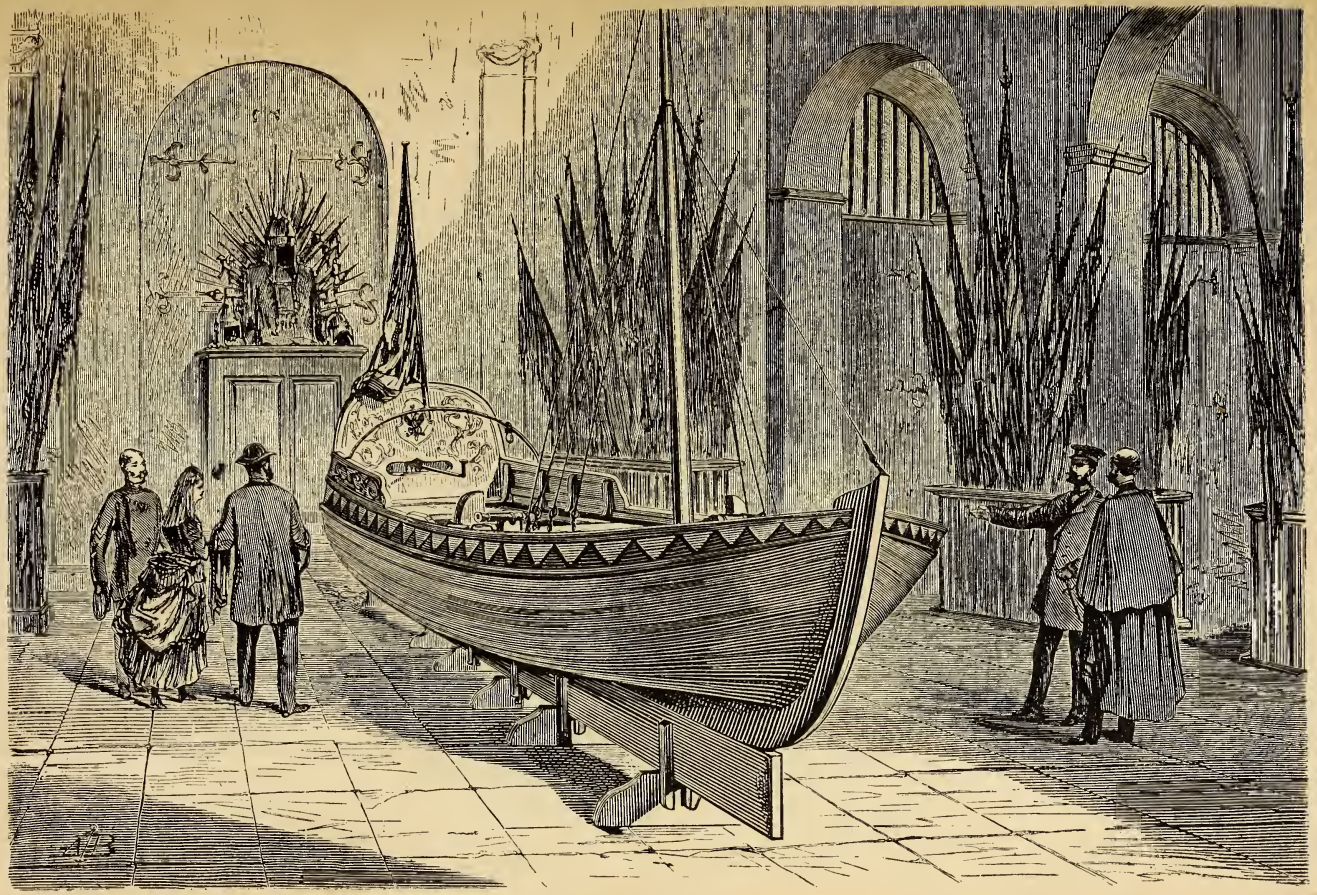
мачты, безъ парусовъ, и въ умѣ его мелькнула какъ молнія мысль о русскомъ флотѣ, — принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ.

Сопровождавшій юнаго царя голландецъ Тиммерманъ объяснилъ, что видѣнный имъ въ дѣдовскомъ сараѣ полусгнившій ботъ, это — лодка англійская, на которой можно плавать подъ парусами даже противъ вѣтра. Такъ какъ ботъ былъ испорченъ, то Петръ просилъ Тиммермана рекомендовать ему мастера, который могъ бы починить



Нѣмецкая слобода.

ботъ. Такимъ мастеромъ оказался голландецъ Карштепъ-Брантъ. Ботъ былъ исправленъ, и вскорѣ, въ іюнѣ 1688 г., царь катался со старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной рѣкѣ Яузѣ и по тинистымъ прудамъ измайловскимъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ испросилъ у царицы-матери позволеніе отправиться къ Троицѣ, на праздникъ обрѣтенія мощей св. Сергія, радонежскаго чудотворца, поклонился св. угоднику и поѣхалъ далѣе къ Переяславлю-Залѣсскому, чтобы взглянуть на озеро, которое, какъ говорили ему, побольше тѣхъ измайловскихъ прудовъ, по которымъ онъ недѣли двѣ-три катался съ мастеромъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ. Такъ какъ видъ



Ботъ Петра Великаго въ настоящее время.

этого бота впервые пробудилъ въ головѣ Петра мысль о постройкѣ кораблей, то поэтому впослѣдствіи ему дали названіе «дѣдушки русскаго флота». Онъ существуетъ до сихъ поръ и хранится въ Петербургѣ.

Дорога отъ Троице-Сергіева монастыря къ Переяславлю, на пространствѣ 63 верстъ, пролегаетъ мѣстностью живописной, по холмамъ и долинамъ, между зеленыхъ рощей и роскошныхъ нивъ. Верстъ за пять, съ высокой горы, отъ каменнаго креста, издревле водруженнаго наверху ея, открывается Переяславль-Залѣсскій въ очаровательной панорамѣ: горизонтъ неизмѣримый; направо, при самомъ озерѣ, городъ, съ древнимъ величественнымъ соборомъ Преображенскимъ; болѣе двадцати красивыхъ храмовъ и древнихъ монастырей, сливаясь въ одну группу, даютъ ему видъ города обширнаго и многолюднаго; налѣво — Плещеево озеро, верстъ 30 въ окружности, съ утопающимъ вдали берегомъ, какъ будто безбрежное море — лазоревое, весело плещущее своими прозрачными струями, усѣянное стаями чаекъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, съ розовыми клювами и лапками.

Полюбовавшись озеромъ, Петръ поспѣшилъ въ Москву испросить разрѣшеніе матери на постройку судовъ при Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Нѣжно любя сына, царица Наталья Кирилловна съ трепетомъ смотрѣла на его военныя и морскія потѣхи; новая придуманная имъ забава водою приводила ее въ ужасъ. Болѣе всего она боялась частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его, и не безъ основанія: до нея доходили слухи о замыслахъ царевны Софьи, которые день ото дня становились смѣлѣе и опаснѣе. Но не могла все-таки царица отказать сыну, и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль закладывать суда; она не теряла, однакожъ, надежды удержать живого и пылкаго Петра при себѣ и поспѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую, прекрасную Евдокію Ѳеодоровну Лопухину, дочь окольничаго Ѳеодора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 января 1689 года отпраздновала свадьбу. Но едва миновалъ медовый мѣсяцъ и начали вскры-

ваться рѣки, Петръ, оставивъ молодую жену, поскакалъ въ Переяславль. Тамъ, на берегу рѣки Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, хлопоталъ Брантъ съ корабельнымъ мастеромъ Кортомъ надъ тремя судами. Два изъ нихъ были уже въ отдѣлкѣ.

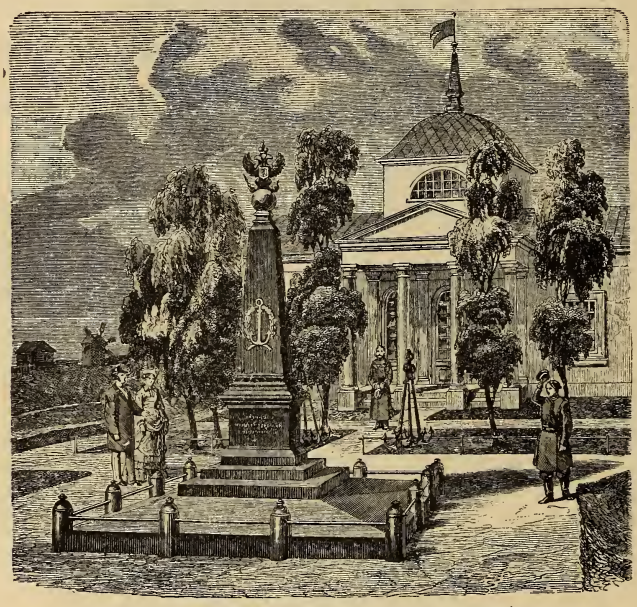
Царица Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, первая супруга Петра Великаго.

Въ самый день пріѣзда царя озеро вскрылось. Радостно смотрѣлъ онъ на зеркальную, необозримую водную поверхность, разстилавшуюся передъ нимъ, на успѣшную постройку судовъ, — и самъ принялся помогать Бранту.

Удары царскаго топора огласили окрестности рѣки Трубежа. Немедленно, по пріѣздѣ въ Переяславль, державный плотникъ писалъ царицѣ:

«Матушка-государыня! благослови сынишку твоего, Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось; всѣ суда, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. Вели прислать ихъ изъ пушкарскаго приказа, по семисотъ саженъ, не мѣшкавъ. Иначе житье мое здѣсь продолжится».

Вмѣсто канатовъ, царица-мать прислала ему повелѣніе возвратиться скорѣе домой, такъ какъ наступало



Памятникъ Петру на озерѣ Плещеевѣ, близъ г. Переяславля.

27 апрѣля, — день кончины царя Ѳеодора Алексѣевича, и все царское семейство непремѣнно должно было присутствовать въ этотъ день на панихидѣ въ Архангельскомъ соборѣ.

Дѣлать было нечего: Петръ отправился въ Москву, едва поспѣвъ къ панихидѣ, а черезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на озеро Плещеево. Тамъ уже не засталъ онъ мастера Корта, который умеръ за нѣсколько часовъ до его пріѣзда; но суда были почти готовы, о чемъ Петръ не замедлилъ сообщить матери-царицѣ.

Онъ не могъ налюбоваться на свои суда, спѣшилъ додѣлать ихъ, не имѣлъ почти времени увѣдомить мать о своемъ здоровьѣ, какъ она того требовала, писалъ къ ней наскоро, на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащею рукою, очевидно измученный дневною работою, но полный радостнаго чувства при видѣ своихъ кораблей.

IV.

Въ то время, какъ все вниманіе юнаго Петра заняло строеніе судовъ на Переяславльскомъ озерѣ, на умѣ у его матери-царицы, Натальи Кирилловны, были не кораблики, а падчерица — царевна Софья Алексѣевна, которая подумывала о дѣлѣ неслыханномъ — вѣнчаться на царство.

Приближенные Софьи, съ этою цѣлью, употребляли всѣ усилія, чтобы извести Петра. Они рѣшили напасть ночью на Преображенское, произвести смятеніе и въ суматохѣ убить царя.

8 августа 1689 года въ полночь, когда Петръ спалъ уже крѣпкимъ сномъ, его вдругъ будятъ и говорятъ: «Пріѣхали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ приходить въ Преображенское бунтомъ». Испуганный царь вскочилъ съ постели, какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь и — въ ближній лѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ онъ съ постельничимъ Гаврилою Головкинымъ и съ однимъ изъ извѣтчиковъ-стрѣльцовъ къ Троицѣ, куда пріѣхалъ около 6 часовъ утра въ сильной усталости; войдя въ комнату, бросился на постель и, заливаясь слезами, разсказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію, прося у него защиты. Въ тотъ же день (8 августа) пріѣхали къ Троицѣ царица Наталья Кирилловна съ дочерью и невѣсткою, преданные Петру сановники, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка.

16 августа пришла въ Москву грамота царя Петра въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки, чтобы начальные люди

Пріѣздъ Петра въ Троицкую лавру.

(т.-е. начальники) и по 10 человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка были у Троицы къ 18-му числу того же мѣсяца. Царевна Софья велѣла позвать къ себѣ начальныхъ людей изъ каждаго полка и настрого запретила имъ—ходить къ Троицѣ и вмѣшиваться въ распрю ея съ братомъ. Когда же стрѣлецкіе полковники обнаружили свое недоумѣніе, Софья сказала имъ:

— Если кто-нибудь изъ васъ пойдетъ къ Троицѣ и останется у моего брата, то будетъ пойманъ и преданъ смертной казни.

27 августа новая царская грамота была отправлена Петромъ въ стрѣлецкіе полки, въ гостиную сотню (т.-е. къ купцамъ), въ дворцовыя слободы и черныя (т.-е. крестьянскія) сотни, чтобъ явились всѣ полковники и начальные люди съ 10-ю рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ и слободъ старосты съ 10-ю выборными людьми изъ каждой сотни и слободы, при чемъ было объявлено, что если кто не явится, тотъ будетъ подвергнутъ смертной казни.

Толпы стрѣльцовъ, повинуясь указу, двинулись изъ Москвы.

Царевна Софья рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ. Въ селѣ Воздвиженскомъ встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и отъ имени государя объявилъ, чтобъ она въ монастырь не ходила.

Софья поспѣшно возвратилась въ Москву.

Наступило 1 сентября, праздникъ новаго года. Нерадостно встрѣтила его Софья и ея приверженцы: изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ полковникъ Нечаевъ со стрѣльцами, привезъ царю Ивану и Софьѣ грамоту, въ которой извѣщалъ ихъ о заговорѣ и требовалъ «присылки Ѳедьки Шакловитаго и старца Сильвестра Медвѣдева съ сообщниками для розыска къ Троицѣ».

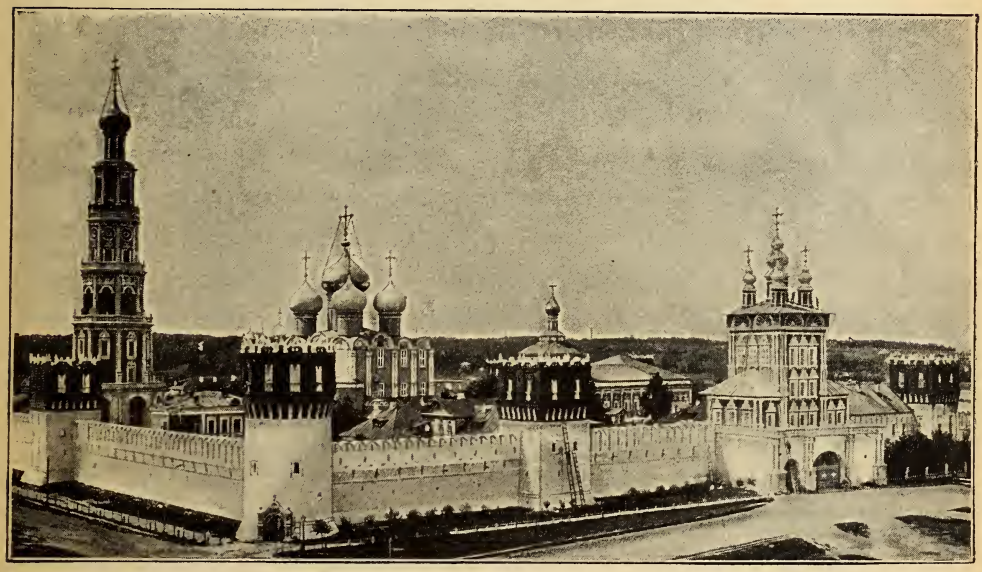
Такое требованіе юнаго царя произвело сильное впечатлѣніе на москвичей; народъ былъ пораженъ. Большинство, по словамъ очевидца, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло.

4 сентября явилась въ Нѣмецкой слободѣ царская грамота, призывавшая всѣхъ служилыхъ иноземцевъ къ Тро-

Арестъ царевны Софьи.

ицѣ. Иноземцы поспѣшили исполнить волю царя — и на другой день были въ монастырѣ.

Когда въ Москвѣ разнеслась вѣсть, что царевна Софья не поѣдетъ въ лавру, потому что ее туда не пустятъ, стрѣльцы вечеромъ 6 сентября явились большою толпою въ Кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобы «выдала Ѳедьку Шакловитаго», котораго они хотѣли вести къ Троицѣ.



Видъ Новодѣвичьяго монастыря.

— Иначе,— говорили они,— многимъ изъ насъ придется поплатиться жизнью.

Софья выдала Шакловитаго. Въ тотъ же день (6 сентября) бояре, оставшіеся въ Москвѣ, по вызову Петра, отправились къ Троицѣ; не поѣхалъ одинъ князь Голицынъ; онъ удалился съ своими приближенными въ подмосковное село Медвѣдково: вѣсть о выдачѣ Шакловитаго сильно поразила его.

11 сентября Шакловитый былъ казненъ смертью.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ отъ Троицы въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ приказомъ Софьѣ итти въ монастырь. Послѣ долгихъ отговорокъ

она принуждена была повиноваться и переселилась въ Новодѣвичій монастырь.

Царь Иванъ Алексѣевичъ оставался попрежнему царемъ только по имени, занимая царское мѣсто въ торжественныхъ церемоніяхъ; власть же царская перешла къ Петру.

V.

Еще не выѣзжая изъ Троицкой лавры, царь Петръ смѣнилъ почти всѣхъ начальниковъ приказовъ (начальники приказовъ соотвѣтствуютъ до извѣстной степени нашимъ министрамъ, напримѣръ, начальникъ посольскаго приказа—министру иностранныхъ дѣлъ) и другихъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ царевной Софьей и княземъ Голицынымъ. Нѣкоторые изъ вновь избранныхъ начальниковъ до самой смерти оставались сотрудниками великаго преобразователя Россіи, ближайшими его совѣтниками, а не многіе изъ нихъ — и друзьями государя. Таковы были: родной его дядя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, князья: Ромодановскій и Яковъ Долгорукій, прославшій ему нѣкогда астролябію, Тихонъ Стрѣшневъ, Ѳ. А. Головинъ, Головкинъ, Апраксинъ, Лефортъ и другіе, менѣе извѣстные: все высшее управленіе было перемѣнено. Къ этому же времени относится близкое знакомство Петра съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ, — съ Гордономъ и Лефортомъ.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи и принадлежалъ къ знатному роду. Покинувъ рано родину, онъ въ 1660 году вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайное трудолюбіе доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи уже при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Проживъ около 30 лѣтъ въ Россіи до близкаго знакомства съ Петромъ, Гордонъ вполнѣ овладѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ

образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, которыя производились подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили полковыя ученія и примѣрныя сраженія. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, приказывалъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпомъ и вообще знакомилъ русскаго государя съ артиллерійскимъ искусствомъ. Петръ часто посылалъ за Гордономъ и вмѣстѣ съ нимъ любилъ, между прочимъ, заниматься приготовленіемъ фейерверка.

Принимая къ себѣ иностранцевъ, Петръ скоро рѣшился и самъ побывать въ гостяхъ у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30 апрѣля 1690 года онъ съ нѣкоторыми сановниками обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще послѣ того появлялся царь въ слободѣ. Посѣтивъ однажды Гордона, Петръ взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, осматривали новые шомполы, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины.

Кромѣ Гордона, особымъ расположеніемъ Петра пользовался Францъ Лефортъ, родомъ изъ Женевы (Женева — одинъ изъ лучшихъ городовъ Швейцаріи). До пріѣзда въ Россію Лефортъ много путешествовалъ, но не имѣлъ, однако, случая пріобрѣсти той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Благодаря веселости нрава, добродушію и честности, Лефортъ пользовался уваженіемъ и расположеніемъ жителей Нѣ-

мецкой слободы. Богатые иностранные купцы и знатные дипломаты были покровителями Лефорта. Онъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра. Лефортъ, полюбивъ русскаго царя, пересталъ быть швейцарцемъ, не думая больше о возвращеніи на родину, а потому вся его жизнь сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру. Всѣ письма Лефорта свидѣтельствуютъ о любви къ царю. Во время веселыхъ пировъ, происходившихъ въ домѣ этого иностранца, гости бесѣдовали о государственныхъ и другихъ дѣлахъ на западѣ, и Петръ впервые знакомился путемъ бесѣды съ Лефортомъ и его товарищами съ тѣмъ, что происходило въ Западной Европѣ. Во время этихъ бесѣдъ впервые, быть-можетъ, зародилось у русскаго царя пылкое желаніе познакомиться съ западно-европейскою образованностью и побывать въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ эта образованность развивалась и распространялась съ особеннымъ успѣхомъ. Никто — въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключеніемъ впослѣдствіи императрицы Екатерины I, не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе Петра, который любилъ его всею душою.

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виніуса, сына зажиточнаго голландскаго купца, занимавшагося еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, онъ узналъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на западѣ. Виніусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, былъ авторомъ труда по географіи, завѣдывалъ нѣкоторое время аптекарскимъ приказомъ. Управляя въ первое время царствованія Петра почтовымъ вѣдомствомъ, Виніусъ имѣлъ возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ часто видѣлся съ Виніусомъ и давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, и къ горному искусству. Черезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-

ремесленниковъ. Позже Виніусъ устраивалъ для царя пороховые и оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ.

Лефортъ.

Окружая себя голландцами, шотландцами, англичанами, швейцарцами и другими иноземцами, Петръ устремлялъ всѣ свои мысли и желанія къ изученію военнаго дѣла во всѣхъ видахъ его на сушѣ и на водѣ, отъ самыхъ мелкихъ

техническихъ подробностей до высшихъ началъ военнаго искусства.

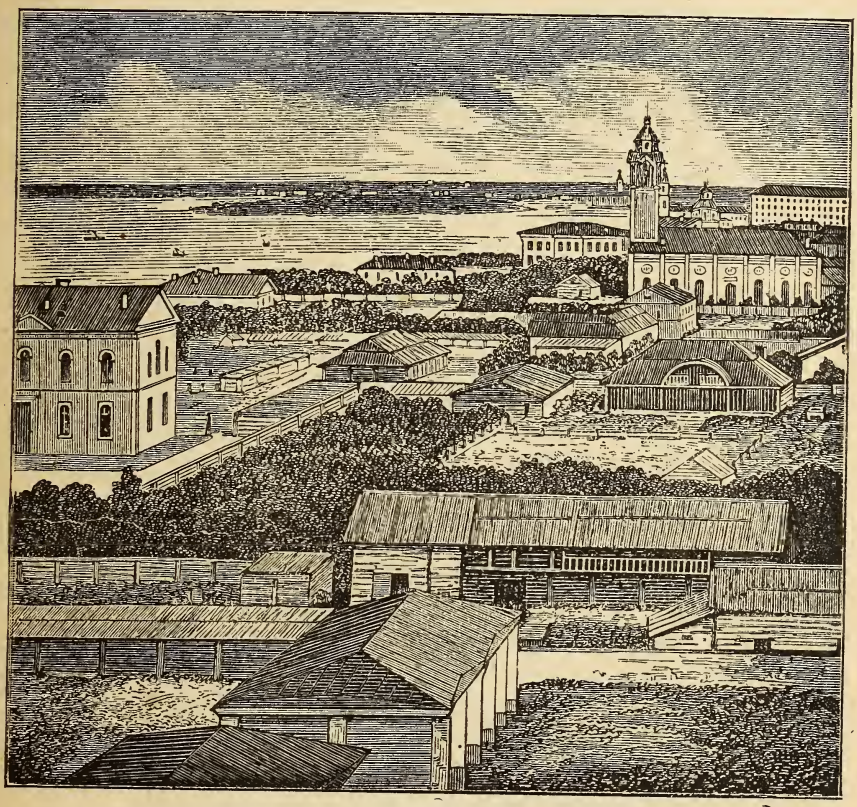
Многаго иностранные наставники сами не понимали, и державный ученикъ пріобрѣталъ необходимыя для него свѣдѣнія болѣе собственнымъ опытомъ, путемъ тяжелаго труда, чѣмъ уроками своихъ учителей. Неутомимый въ трудахъ, Петръ не терялъ ни одной минуты въ праздности, и часто, по собственному выраженію его, «вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму».

Все, что надо было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, токарю, бомбардиру, артиллеристу, инженеру,— все узналъ Петръ на самомъ дѣлѣ, и вскорѣ пріобрѣлъ такой во всемъ навыкъ, что едва ли кто изъ окружавшихъ его лицъ умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ и топоромъ, точить изъ дерева и кости рѣзныя украшенія, править рулемъ, бросать гранаты, наводить орудія, придумывать составы огненныхъ снарядовъ, устраивать понтоны (т.-е. временные мосты), закладывать мины и взрывать укрѣпленія на воздухъ. Примѣрныя битвы «потѣшныхъ» съ стрѣльцами въ окрестностяхъ Преображенскаго и Семеновскаго служили ему средствомъ къ пріобрѣтенію свѣдѣній, относящихся къ военному искусству.

Натѣшившись вдоволь на сушѣ, Петръ обратился къ любимой стихіи своей — водѣ. Яхта, спущенная на воду въ Москвѣ весною 1691 года, свидѣтельствовала объ успѣхахъ его въ кораблестроеніи. Не прерывались работы и на озерѣ Плещеевомъ: тамъ трудился по распоряженію царя, Карштенъ-Брантъ соорудившій два небольшіе фрегата съ тремя яхтами. Но скоро и Плещеевское озеро сдѣлалось тѣсно молодому царю и онъ перенесъ свою дѣятельность на Бѣлое море — въ Архангельскъ.

4 іюля 1693 года, говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное имъ во время болѣзни посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были: Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста чело-

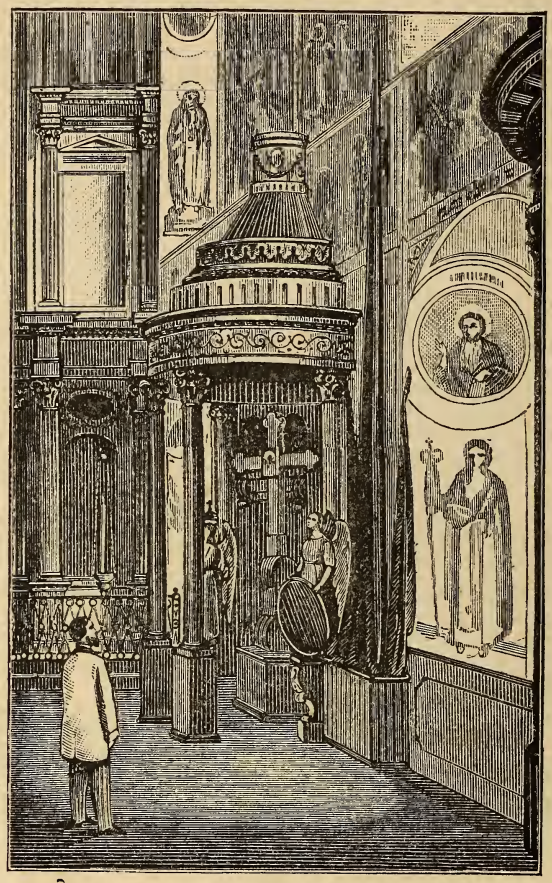
вѣкъ. Отъ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ на приготовленныхъ для того стругахъ, а 28 іюля загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Куроострова. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій. Этотъ преосвященный пастырь проводилъ знаменитаго посѣтителя въ древній го-



Видъ города Архангельска.

родской соборъ. Въ тотъ же день царь осмотрѣлъ архіерейскую мельницу, огороды и заведенія; послѣ ужина долго катался по Двинѣ въ маленькой шнякѣ (т.-е. лодкѣ), ночевать остался на стругѣ. Іюля 30 колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится морская пристань, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него небольшомъ дворцѣ на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, которыхъ приходило въ Архангельскъ ежегодно до пятидесяти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, не испытавшихъ на себѣ ни вліянія монгольскаго ига, ни тя-



Крестъ Петровой работы въ соборѣ г. Архангельска.

желыхъ послѣдствій крѣпостной зависимости земледѣльцевъ отъ землевладѣльцевъ, и, наконецъ, видъ безконечнаго моря,— все такъ увлекло и заняло вниманіе царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора. Въ платьѣ голландскаго морехода осматривалъ царь иностранные корабли, оставался на нихъ, знакомился со всѣми шкиперами ихъ и, въ со-

провожденіи иностранныхъ кораблей, три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ его пріѣзду и названной «Св. Петръ».

Обратно царь выѣхалъ изъ Архангельска 1 сентября. Изъ Холмогоръ онъ отправилъ свою свиту сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ немногими близкими людьми по-

Видъ города Архангельска.

плылъ на кораблѣ до деревни Кочетовой, осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мельницы Вавчугскія, гдѣ заготовляли для заморскаго отпуска муку и доски. Пріѣздъ царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пирѣ среди мужчинъ явились женщины — жены и дочери иностранцевъ, — и были во дворцѣ танцы.

Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила сердце Петра: скончалась мать его, царица Наталья Кирилловна.

«Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю скорбь мою,—писалъ царь Апраксину:—вспоминаю слова апостола Павла: «не скорбѣть объ умершихъ» и слова Ездры: «что минувшаго не возвратить». Роптать не смѣю, покоряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха».

Но не давалъ себѣ отдыха юный царь. Скорбя о кончинѣ матери, онъ тѣмъ болѣе хотѣлъ заглушить въ своемъ сердцѣ эту скорбь трудами; съ момента ея смерти онъ уже свободнѣе могъ предпринимать дальнія морскія путешествія, которыя, такъ любилъ, но отъ которыхъ до того времени отвлекали его совѣты и просьбы царицы Натальи. Вскорѣ было предпринято второе путешествіе царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ начали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ.

1 мая 1694 года выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18 мая былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морского пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ вмѣстѣ съ пѣвчими, и 29 мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой.

Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, началась страшная буря. Тщетно, убѣждалъ, успокоивалъ и ободрялъ другихъ Петръ. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались другъ съ другомъ. Не унывалъ и не падалъ духомъ одинъ лишь царь. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ расходившеюся морскою стихіей. Къ счастью всѣхъ спутниковъ, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, Петръ обратился къ нему и сталъ съ нимъ совѣтоваться. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели — направить яхту къ

Петръ въ Архангельскѣ.

ближайшей гавани — Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ и началъ вмѣшиваться въ его распоряженія.

— Поди прочь! — закричалъ разсерженный Антипъ: — я знаю, что дѣлать. Если ты мнѣ отдалъ руль, то зачѣмъ мѣшаешься въ мое дѣло?

Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно направилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, какими усѣянъ входъ въ Унскую гавань.

— Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчевалъ меня на морѣ? — смѣясь спросилъ послѣ царь у Антипа.

Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ Петра.

— Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшавшись не въ свое дѣло, — замѣтилъ царь и, поцѣловавъ Антипа, подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье,

Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уединенной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ море выкинуло тѣла двухъ соловецкихъ иноковъ.

Съ духовными пѣснями встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ и самъ вырѣзалъ на немъ подпись: «Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ 1694 года». На плечахъ своихъ, при помощи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ.

Между тѣмъ, буря утихла и 6 іюня 1694 года царь отправился въ Соловецкій монастырь. Настоятелемъ этого монастыря былъ тогда архимандритъ Фира. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи, провелъ Петръ цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донынѣ въ особой часовнѣ. Щедро одарилъ онъ обитель, не забылъ и добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работы, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду.

Вернувшись въ Москву, неутомимый Петръ принялся за другую свою забаву — потѣшную войну. Подъ Москвою, вблизи Симонова монастыря, устроилъ онъ примѣрную войну, длившуюся больше мѣсяца и получившую названіе Кожуховскаго похода.

Кожуховскій походъ былъ послѣднею потѣхою Петра. Молодой орелъ почувствовалъ свою силу и захотѣлъ рас-

Соловецкій монастырь.

править крылья. Царь рѣшилъ, что теперь уже пора приняться за настоящее дѣло и началъ добиваться цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ, ради величія и славы своей родины.

VI.

Въ началѣ царствованія Петра Алексѣевича Россія на сѣверѣ примыкала къ Ледовитому океану и Бѣлому морю; западная же ея граница шла мимо Онежскаго и Ладожскаго озеръ на Чудское озеро, а оттуда по Днѣпру, такъ что

Финляндія, прибалтійскія губерніи и весь нынѣшій западный край лежали внѣ границъ русскаго государства. Южная граница далеко не доходила до Чернаго моря, а тянулась по степямъ, чрезъ низовье Дона на Терекъ. Въ Сибири безспорныхъ границъ не было: мѣста лежали вольныя.

Велико было московское государство, но громадность эта скорѣе обременяла его, чѣмъ усиливала. Границы тянулись большею частью открытыя, длинныя и неудобныя для устройства крѣпкой обороны. Пограничныя моря были также мало полезны. По Ледовитому океану можно было плавать и заниматься промыслами всего три-четыре мѣсяца въ году. Таково почти было и Бѣлое море; по этому морю происходила чрезъ Архангельскъ не особенно значительная торговля, такъ какъ морской путь въ Европу былъ далекъ и труденъ. Было у Россіи на югѣ еще одно море, — Каспійское, но оно лежало внутри земель, небогатыхъ и дикихъ.

Замѣчая невыгоды архангельскаго порта, запертаго льдами болѣе половины года и удаленннаго отъ центральныхъ областей Россіи, Петръ Великій въ то же время не могъ не убѣдиться, что обладаніе берегами Чернаго моря можетъ быть очень полезно и важно для развитія внутренней и внѣшней торговли. Хотя рѣка Днѣпръ, впадающая въ Черное море, только однимъ берегомъ своимъ принадлежала Россіи, зато Донъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды: онъ протекалъ по весьма плодоноснымъ областямъ, берега его были порядочно населены, и тогдашнія небольшія суда могли весьма удобно плавать по всему его теченію; но устье его было заперто турецкою крѣпостью Азовомъ. Надо было, слѣдовательно, взять Азовъ, и Петръ рѣшился начать войну.

Неудача крымскихъ походовъ, во время которыхъ главнымъ начальникомъ русскихъ войскъ, былъ князь Голицынъ, не смущала великаго преобразователя Россіи: ему не чуждо было сознаніе, что въ военномъ искусствѣ онъ имѣлъ гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ Голицынъ. Петръ понималъ, что обученное на европейскій образецъ регуляр-

ное войско превосходило прежнюю малообученную рать московскую. Путемъ сухопутныхъ и морскихъ потѣхъ русскій царь научился располагать войско къ бою по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства, научился также

Царь Петръ Алексѣевичъ.

вести осадныя работы и штурмовать укрѣпленія, а управленіе правильно устроенными полками, съ которыми онъ постоянно совершалъ переходы около Москвы, научило его важному искусству принимать должныя мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ,— искусству, о которомъ воеводы прежняго времени, въ томъ числѣ и князь Голицынъ, не имѣли никакого понятія. Сравнивая устройство новаго

регулярнаго войска съ прежнею ратью московскою, царь Петръ и его сотрудники не безъ основанія ожидали успѣха въ предстоявшемъ Азовскомъ походѣ. И, дѣйствительно, этотъ походъ былъ веденъ гораздо искуснѣе всѣхъ прежнихъ, а, между тѣмъ, крѣпость (Азовъ), которая была бы совершенно разбита и уничтожена сотней мѣткихъ выстрѣловъ изъ нынѣшнихъ орудій, съ трудомъ была взята въ два года и стоила намъ много крови.

Походъ былъ объявленъ въ 1695 году, но не противъ Азова а противъ Крыма: Петръ хотѣлъ скрыть истинную цѣль предпринимаего имъ похода, чтобы тѣмъ легче овладѣть турецкою крѣпостью. Поэтому въ то время, какъ многочисленная рать стягивалась на южную границу Украйны и подъ начальствомъ славнаго впослѣдствіи Бориса Петровича Шереметева и Мазепы направлялась къ низовью Днѣпра, до 30 тысячъ лучшаго войска, — отчасти стрѣлецкихъ, но больше солдатскихъ полковъ,— и гвардія были отправлены въ землю Донского казачьяго войска, прилегавшую въ то время къ турецкимъ владѣніямъ.

Въ началѣ іюня 1695 года были открыты осадныя работы противъ азовскихъ укрѣпленій; начало ихъ было довольно удачно. Скоро, однакожъ, искусство нашихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ находился бывшій царскій наставникъ Тиммерманъ, оказалось далеко неудовлетворительнымъ. Между начальниками было мало согласія. Въ этомъ походѣ не было общаго начальника, которому всѣ были бы обязаны повиноваться; главныхъ начальниковъ было три: Лефортъ, любимецъ Петра, Гордонъ и Головинъ. Изъ нихъ только Гордонъ былъ хорошо знакомъ съ военнымъ дѣломъ, изучивъ его теоретически и практически во время долгой службы своей, какъ за границей, такъ особенно у насъ, въ Россіи (болѣе 30-ти лѣтъ). Лефортъ, хотя ему и случалось обнажать оружіе, но ничѣмъ никогда не командовалъ, а Головинъ очень твердо зналъ «воинскій артикулъ» (т.-е. воинскій уставъ) и хорошо командовалъ гвардейскими полками, но другими военными талантами не отличался.

Походъ Азовскій оказался не легкимъ: за недостаткомъ лошадей, солдатамъ самимъ приходилось тащить на себѣ пушки и огнестрѣльные припасы; подрядчики во-время не выставили съѣстныхъ припасовъ; рѣчныя суда запаздывали.

Между тѣмъ, для взятія крѣпости Азова, были сдѣланы два штурма, но оба не удались: подведенные подъ крѣпость подкопы повредили менѣе ей, чѣмъ осаждающимъ. Туркамъ подвозились всѣ нужные припасы моремъ, а къ русскимъ подвозъ былъ труденъ: по обоимъ берегамъ Дона стояли двѣ турецкія каланчи; между ними были протянуты цѣпи и набиты сваи.

Донскіе казаки взяли одну каланчу, но турки отмстили за эту удачу: въ самое знойное время дня, когда всѣ спали, они ворвались въ русскій лагерь, побили сонныхъ, захватили 9 пушекъ, а изъ остальныхъ многія перепортили.

Однако, скоро послѣ того турки сами покинули другую каланчу; въ нее засѣли казаки. Хотя русскимъ стало повольнѣе, но, въ виду приближенія осени, они посадили въ каланчи 3.000 человѣкъ и пошли домой.

Въ концѣ ноября Петръ возвратился въ Москву. Неудача сильно опечалила царя, но не смутила его и не заставила отказаться отъ намѣренія овладѣть Азовомъ; онъ только съ удвоенною энергіей принялся за приготовленіе новыхъ средствъ, чтобы не испытать неудачи во второй разъ.

Петръ убѣдился, что русскіе инженеры такъ плохи, что подкопами, которые они вели подъ крѣпость Азовъ и потомъ взрывали, побивало не турокъ, а своихъ же — русскихъ. Поэтому, царь еще на возвратномъ пути въ Москву писалъ къ иноземнымъ государямъ письма, прося ихъ прислать къ будущему году искусныхъ инженеровъ и подкопныхъ мастеровъ.

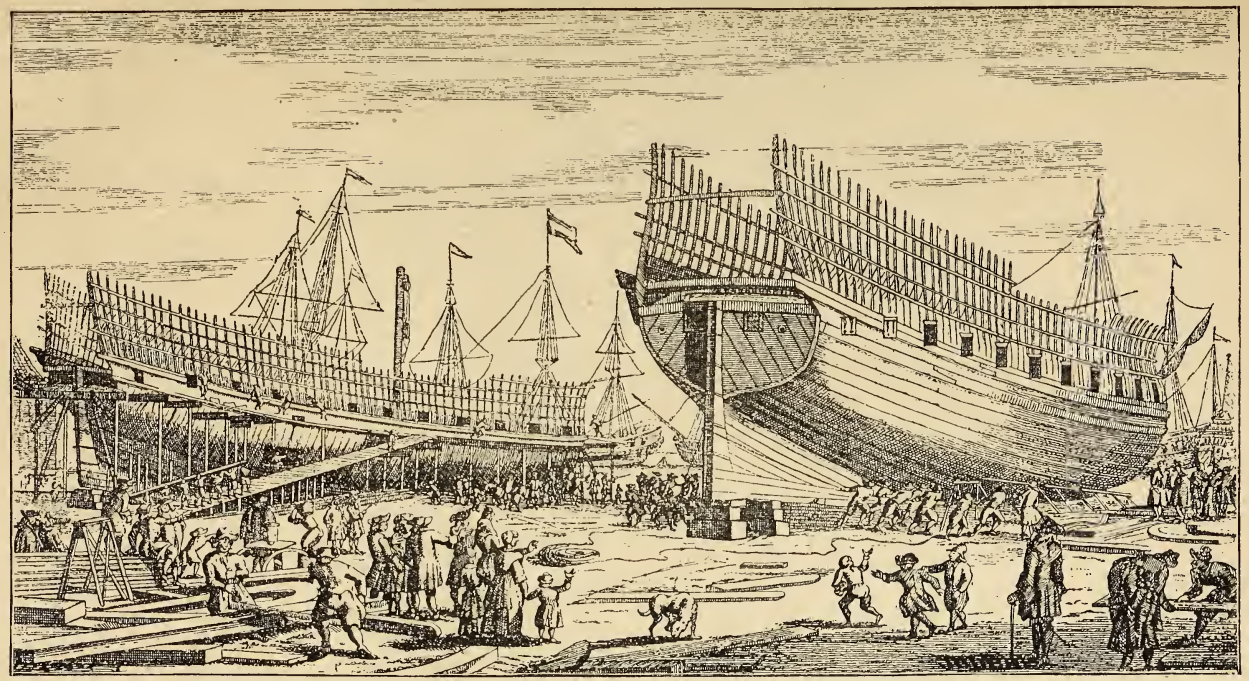
Очевидно также было, что Азовъ не будетъ взятъ, пока входъ въ Донъ съ моря не будетъ запертъ и не будутъ отняты у турокъ средства присылать подкрѣпленія и продовольствія осажденнымъ. Для того же, чтобы турки не могли помогать Азову съ моря, государь рѣшилъ создать

флотъ въ теченіе осени и зимы. Замыселъ былъ громадный и почти несбыточный: въ московскомъ государствѣ не было ни свѣдущихъ корабельныхъ мастеровъ, ни верфей, гдѣ строятъ корабли, ни людей къ корабельной службѣ привычныхъ. Только разъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строили корабль для Волги и Каспійскаго моря, да и тотъ сжегъ Стенька Разинъ.

Цейхгаузъ въ Воронежѣ.

Пріѣхавъ въ Москву, Петръ приказалъ выслать изъ Архангельска всѣхъ мастеровъ съ зазимовавшихъ англійскихъ и голландскихъ кораблей. Въ селѣ Преображенскомъ изъ сырого и мерзлаго лѣса стали рубить 26 судовъ, чтобы потомъ по частямъ перевезти ихъ къ мѣсту. Работали преображенскіе и семеновскіе солдаты; сотни плотниковъ изъ разныхъ мѣстъ; приставили и иноземцевъ.

Главнымъ мѣстомъ для постройки судовъ былъ назначенъ Воронежъ. Въ городѣ этомъ, окруженномъ въ старое время хорошими лѣсами, издавна велось судостроительное дѣло, потому что оттуда сплавлялись Дономъ хлѣбъ и другіе предметы, отпускавшіеся изъ Россіи Донскому



Постройка судовъ.

войску. Но такъ какъ, по соображеніямъ Петра, чтобы запереть туркамъ входъ съ Азовскаго моря, нужно было построить не менѣе 30 галеръ (т.-е. судовъ небольшого размѣра), то воронежскихъ судовщиковъ и плотниковъ было недостаточно. Царь не затруднился этимъ. На Дону, подъ Воронежемъ велѣлъ онъ рубить и пилить лѣсъ, годный на корабельное дѣло; приказано согнать для этого 26.000 рабочихъ, собрать по наряду съ обывателей смолу и конопать, а съ желѣзныхъ заводовъ — скобы, крючья и гвозди.

Работа закипѣла, а главный работникъ, государь, захворалъ: у него сильно разболѣлась нога. Только въ началѣ февраля 1696 года царь немного поправился и съ недолѣченной ногой поѣхалъ въ Воронежъ. Въ это время скончался его старшій братъ Иванъ; до его кончины Петръ былъ единовластителемъ на дѣлѣ, теперь сталъ такимъ и по званію. Прибывъ въ Воронежъ, онъ забылъ и боль и печаль по братѣ и, помѣстившись въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ, сталъ нагонять потерянное время. Цѣлыми днями, съ утра до ночи, составлялъ онъ корабельные чертежи и работалъ на верфи съ топоромъ въ рукахъ.

Недешево обошлась эта горячая пора и государю и народу; много Петръ подъялъ труда и вынесъ душевной муки. Но русскій царь не унывалъ и не падалъ духомъ. Своему сотруднику Стрѣшневу онъ писалъ: «Мы по приказу Божію къ праотцу нашему Адаму въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой».

Много потерпѣлъ отъ работы, стужи и голода народъ, согнанный съ разныхъ мѣстъ къ государеву дѣлу. Но зато въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же 1696 года спущено было на воду 30 боевыхъ судовъ и 1.300 грузовыхъ струговъ. Самая лучшая галера была та, которую построилъ собственноручно государь.

Не теряя времени, струги съ войскомъ поплыли внизъ, за стругами тронулся флотъ и къ концу мая 1696 года всѣ прибыли къ Черкасску. Войска было гораздо больше про-

шлогодняго, потому что набрали не мало добровольцевъ, даже изъ крѣпостныхъ. Правда, обученныхъ на европейскій образецъ было мало, какъ и прежде, всего четыре полка потѣшныхъ,—но неудача перваго похода пошла въ пользу. Убѣдившись во время перваго Азовскаго похода, что многоначаліе на войнѣ не приводитъ ни къ чему доброму, Петръ все сухопутное войско отдалъ подъ начальство одному боярину Алексѣю Шеину, всѣмъ же флотомъ велѣлъ

Взятіе Азова.

командовать Лефорту, а самъ принялъ чинъ капитана и плылъ на галерѣ, собственноручно имъ построенной.

Еще не весь флотъ собрался, какъ уже начались военныя дѣйствія. На морѣ, въ виду Азова, стоялъ турецкій флотъ; донскіе казаки сторожили его на своихъ лодкахъ скрытно, издали. Турки послали въ Азовъ 24 легкія судна съ съѣстными припасами; когда суда эти выгрузились и плыли отъ крѣпости назадъ, казаки внезапно напали на нихъ и захватили 10 судовъ. Остальнымъ удалось уйти, но это внезапное и неожиданное нападеніе на турецкія

суда надѣлало у непріятеля такой переполохъ, что весь турецкій флотъ спѣшно поднялъ якоря и поплылъ въ море. Запоздали только два корабля: одинъ затопили сами турки, чтобы не достался русскимъ, другой захватили казаки.

Государь очень обрадовался этой побѣдѣ, и какъ только нагнало вѣтромъ морской воды въ обмелѣвшую рѣку, вышелъ съ галерами на взморье и загородилъ туркамъ путь къ Дону. Скоро они появились, везя подмогу азовцамъ, и хотя были гораздо сильнѣе русскихъ, но на бой не рѣшились, а, простоявъ двѣ недѣли, повернули назадъ и уплыли въ море.

Между тѣмъ, иноземные инженеры не пріѣзжали, осадное дѣло безъ нихъ не двигалось. Бомбами русскими были разбиты городскіе дома, но военныя укрѣпленія стояли нетронутыми. Русскіе начали было насыпать стародавнимъ порядкомъ земляной валъ въ уровень съ крѣпостной стѣной, да поспѣли давно ожидаемые иностранные мастера. Они повели дѣло на славу: крѣпостныя стѣны начали осыпаться; казаки бросились на штурмъ, захватили валъ, ворвались въ улицы и чуть не завладѣли крѣпкимъ замкомъ, но были выбиты и засѣли только на валу. Войскамъ велѣно ужъ было готовиться къ приступу, но до него, къ счастью, дѣло не дошло. Туркамъ неоткуда и не отъ кого было ждать помощи, запасовъ у нихъ оставалось мало, свинцу не хватало, такъ что стрѣляли разрубленной серебряной монетой. Видя, что разсчитывать на чью-либо помощь было нельзя, они сдались.

Вѣсть о побѣдѣ обрадовала весь русскій народъ, но больше всѣхъ побѣдѣ надъ азовцами радовался Петръ.

Получивъ добрую вѣсть о взятіи Азова, патріархъ велѣлъ въ Москвѣ ударить въ большой колоколъ; всѣ благодарили Бога за великую дарованную милость: еще въ первый разъ русскіе одержали побѣду надъ страшными всей Европѣ турками.

Чтобы закрѣпить за Россіей Азовское море и дать возможность русскимъ пробраться въ Черное море, Петръ Ве-

Петръ Великій полагаетъ основаніе города Таганрога.

ликій рѣшилъ построить на Азовскомъ прибрежьѣ нѣсколько крѣпостей и завести грозную морскую силу. Не теряя времени, государь самъ отправился на галерѣ въ море, осмотрѣлъ берега, на Таганьемъ рогѣ назначилъ строить крѣпость и гавань, выбралъ мѣсто и для другой малой крѣпости. Цѣлый день Петръ провелъ въ усиленномъ трудѣ; ночь проспалъ въ лодкѣ, на голой лавкѣ, голодный; на другой день продолжилъ поиски и только къ вечеру вернулся къ Азову. Здѣсь тоже кипѣла работа; войско трудилось день и ночь, безъ отдыха; праздниковъ не знали, работали даже въ Преображенье. Въ скоромъ времени выросла грозная крѣпость; государь велѣлъ оставить въ ней для обороны большой горнизонъ, а остальнымъ приказано было собираться въ обратный путь, домой.

И встарину случалось нашимъ воеводамъ брать укрѣпленные города, подобные Азову; но тогда вся ихъ награда состояла въ шубѣ съ царскаго плеча, кубкѣ, нѣсколькихъ десяткахъ червонцевъ, которые имъ жаловалъ царь, да въ «милостивомъ его словѣ». Петръ же Великій желалъ, чтобы побѣда надъ турками имѣла видъ общенароднаго торжества и приказалъ иноземцу Велліусу устроить въ Москвѣ для возвратившихся войскъ тріумфальную встрѣчу. При въѣздѣ съ Замоскворѣчья на Каменный мостъ (построенный при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ) были поставлены тріумфальныя врата въ 5 саженъ вышины, 7 и 8 саженъ ширины, украшенныя гербами, знаменами и разнымъ оружіемъ, картинами, изображеніемъ славы, статуями, представлявшими торжество русскихъ надъ турками.

30 сентября 1696 года началось торжественное шествіе. Солдатскіе и стрѣлецкіе полки съ развивавшимися знаменами, главные начальники въ парадныхъ экипажахъ, духовенство съ хоругвями и иконами, плѣнные турки и татары, отбитые у нихъ значки, бунчуки и другіе трофеи — слѣдовали установленнымъ порядкомъ подъ звуки музыки и при стеченіи народа. Что касается до Петра, то онъ шелъ пѣшкомъ, въ мундирѣ морского капитана, за экипажемъ адмирала Лефорта.

Москва въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Москва дивилась невиданному зрѣлищу. Государь полагалъ, что народъ, бывшій свидѣтелемъ такого зрѣлища, лучше запомнитъ побѣду, отъ которой онъ ожидалъ многихъ послѣдствій.

VII.

Во время Азовскихъ походовъ Петръ убѣдился, какая сила заключается въ знаніи военныхъ наукъ и искусства кораблестроенія и въ какой степени недостаетъ этого знанія русскимъ людямъ. Также замѣтилъ онъ, что хотя до многаго дошелъ онъ самоучкой, но какъ ему самому, такъ и его подданнымъ слѣдуетъ учиться многому и прилежно.

Пробовали выписывать иностранныхъ мастеровъ; но оказалось, что многіе изъ этихъ мастеровъ пріѣхали только для того, чтобы зашибить копейку — изъ-за выгоды, а мало смыслили какъ въ постройкѣ судовъ, такъ и въ другихъ дѣлахъ, требовавшихъ спеціальныхъ знаній. Петръ ясно увидѣлъ, что необходимо приготовить своихъ русскихъ мастеровъ и изъ иностранцевъ выбрать на мѣстѣ такихъ, которые дѣйствительно принесли бы пользу.

Самая неотложная нужда была въ корабельныхъ мастерахъ, потому что для обогащенія русскаго народа необходимо было завладѣть моремъ для развитія внѣшней торговли и различнаго рода промысловъ, а также завести морскую силу. Прежде всего Петръ велѣлъ отобрать 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ и послать ихъ учиться кораблестроенію въ Англію, Голландію и Италію. Наказъ имъ данъ былъ строгій — учиться прилежно и привезти свидѣтельства отъ иноземныхъ мастеровъ, что прошли науки хорошо, иначе имѣнія будутъ отобраны въ казну. Не понравилась такая новинка русскимъ людямъ; они привыкли бояться чужихъ земелъ какъ чумы, сообщаться съ иновѣрцами считали за грѣхъ, а итти къ нимъ въ науку — и того хуже. Поэтому, назначенные въ чужеземную науку собирались въ путь неохотно, со слезами; отцы отпускали ихъ, какъ на погибель, а матери причитали по нимъ, какъ по мертвымъ.

Сомнѣваясь въ томъ, что всѣ молодые придворные, посланные учиться за границу, будутъ вполнѣ охотно и добросовѣстно заниматься у иноземныхъ мастеровъ и учителей, Петръ рѣшилъ, чтобы кто-нибудь прежде нихъ за границей выучился кораблестроенію и узналъ все, что нужно для развитія морского дѣла въ Россіи. Но привыкнувъ самъ давать во всемъ примѣръ и лично участвовать во всякомъ предпріятіи, русскій царь задумалъ небывалое на Руси дѣло: вмѣстѣ съ другими, простымъ ученикомъ, подъ именемъ корабельнаго плотника Петра Михайлова, ѣхать за границу, и тогда же выбилъ для себя печать съ подписью: «Азъ есмь въ чину учимыхъ — и учащихъ мя требую» (Я въ званіи ученика, и ищу, кто меня научитъ). Ему страстно хотѣлось узнать, какъ строятъ корабли въ Голландіи, въ Англіи и Венеціи, да и вообще разсказы его любимца Лефорта и другихъ объ иноземной жизни и наукѣ сильно возбуждали его любознательность.

6 декабря 1696 года думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ объявилъ въ Посольскомъ приказѣ, что царь намѣренъ отправить посольство къ цезарю (т.-е. къ австрійскому императору), къ королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голландскимъ штатамъ, къ курфирсту бранденбургскому и въ Венецію, — для подтвержденія древней дружбы и любви, для общихъ всему христіанству дѣлъ, для ослабленія враговъ креста Господня — султана турецкаго, хана крымскаго и всѣхъ басурманскихъ ордъ и для большого усиленія государей христіанскихъ.

Такимъ образомъ, главная цѣль посольства — изученіе кораблестроенія не была обнародована, а потому далеко не всѣмъ русскимъ была извѣстна и понятна. Во главѣ посольства находился Лефортъ. Товарищами его были назначены: сибирскій намѣстникъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ. Посольская свита состояла болѣе, чѣмъ изъ двухсотъ лицъ.

Участіе царя въ путешествіи должно было оставаться тайною. Не ранѣе, какъ въ сентябрѣ 1697 года, слѣдовательно послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ дорогѣ, Ле-

фортъ сообщилъ своимъ родственникамъ, что между его спутниками находится самъ царь, прибавляя, что это оказалось невозможнымъ сохранить въ тайнѣ.

Инкогнито (т.-е. скрытіе сана и личности Петра) представляло собою большія выгоды. Этимъ онъ освобождался отъ стѣснительныхъ правилъ церемоніала и придворнаго этикета, могъ свободнѣе наблюдать за работою и занятіями другихъ и самъ изучать какое-либо ремесло или учиться у заграничныхъ мастеровъ, а также свободнѣе было ему знакомиться съ частными лицами и въ то же время самолично вести переговоры съ коронованными лицами и государственными дѣятелями.

На время своего отсутствія, Петръ передалъ управленіе государственными дѣлами тремъ лицамъ: Нарышкину и князьямъ Борису Голицыну и Прозоровскому. Князю Ромодановскому былъ порученъ надзоръ надъ столицею.

Сначала русскій царь намѣревался отправиться въ Вѣну для заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ императоромъ а затѣмъ, поѣхать оттуда въ Венецію для изученія морскаго дѣла. Узнавъ, однако, въ самомъ началѣ 1697 года о томъ, что заключеніе союза съ императоромъ уже состоялось, онъ перемѣнилъ свой планъ и, оставляя Москву 10 марта, рѣшился отправиться прежде въ Голландію и Англію. Посольство вмѣстѣ съ государемъ выѣхало изъ Москвы 10 марта 1697 г.

На пути въ западную Европу, нужно было миновать польскія владѣнія, потому что тамъ происходили безпорядки по поводу выбора короля. Когда посольство переѣхало западную границу русскаго государства, то первымъ большимъ попутнымъ городомъ была Рига, которая вмѣстѣ со всѣмъ почти Балтійскимъ побережьемъ принадлежала тогда Швеціи.

Пріемъ, оказанный въ Ригѣ русскимъ посламъ, былъ довольно пышный и торжественный, но путешественникамъ приходилось платить дорого за все необходимое. Рижскій губернаторъ Дальбергъ имѣлъ полное право и даже былъ обязанъ не показывать вида, что знаетъ о пребываніи царя

Видъ города Риги.

въ свитѣ посольства, и поэтому не искалъ случая встрѣтиться съ Петромъ. Къ тому же у него не было ни малѣйшаго повода къ личному сближенію съ русскими послами, такъ какъ они находились въ Лифляндіи лишь проѣздомъ, не имѣя порученій вступить въ какіе-либо переговоры съ представителями шведскаго правительства.

Изъ писемъ Петра видно, что царь, находясь въ Ригѣ, зорко наблюдалъ за всѣмъ, относившимся къ вооруженію и укрѣпленію города. Онъ писалъ о числѣ солдатъ, составлявшихъ гарнизонъ, и послалъ князю Ромодановскому образчики солдатскихъ перевязей, бывшихъ въ употребленіи въ шведскомъ войскѣ.

Вслѣдствіе ледохода по рѣкѣ Двинѣ, московскому посольству пришлось прожить въ Ригѣ нѣсколько дней. Государь очень скучалъ, называя этотъ городъ «проклятымъ мѣстомъ».

Изъ Риги Петръ отправился въ Курляндію и 10 апрѣля прибылъ въ Митаву. Герцогъ Фридрихъ Казиміръ, который когда-то въ свою бытность въ Голландіи находился въ близкихъ, чуть не дружескихъ отношеніяхъ къ Лефорту, принялъ русскихъ путешественниковъ съ особеннымъ радушіемъ.

Во время своего трехнедѣльнаго пребыванія въ Митавѣ, царь занимался, между прочимъ, плотничною работою.

Посѣтивъ затѣмъ проѣздомъ городъ Либаву, Петръ впервые увидѣлъ здѣсь Балтійское море. Едва ли онъ тогда считалъ возможнымъ и вѣроятнымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть береговъ этого моря сдѣлается достояніемъ Россіи.

Нанявъ купеческій корабль, царь съ немногими людьми отправился моремъ въ Пруссію, приказавъ туда же ѣхать посольству сухимъ путемъ.

Бранденбургскій курфирстъ, Фридрихъ III, заблаговременно извѣщенный о приближеніи русскихъ гостей, готовилъ имъ великолѣпный пріемъ. Онъ самъ находился въ Кенигсбергѣ, гдѣ царя встрѣтилъ церемоніймейстеръ Бессеръ, въ квартирѣ, заранѣе приготовленной для Петра. Соблюдая

строгое инкогнито, царь отправился во дворецъ къ курфирсту, бесѣдовалъ съ нимъ на голландскомъ языкѣ, выпилъ нѣсколько бокаловъ венгерскаго вина; уходя, просилъ курфирста, ради соблюденія инкогнито, не отдавать ему визита. Особенно торжественно были приняты курфирстомъ русскіе послы, прибывшіе въ Кенигсбергъ нѣсколько позже царя. Судя по отзывамъ современниковъ, Петръ произвелъ въ Кенигсбергѣ вообще чрезвычайно выгодное впечатлѣніе. Хвалили его оживленную бесѣду; повторяли нѣкоторыя изъ его замѣчаній и отзывовъ о разныхъ предметахъ. Онъ оказался, между прочимъ, искуснымъ трубачомъ и не менѣе искуснымъ барабанщикомъ.

Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѣхавшихъ сухимъ путемъ, русскій царь не терялъ времени и сталъ учиться артиллеріи. Учитель, подполковникъ фонъ-Штерифельдъ, далъ господину «десятнику Петру Михайлову» свидѣтельство, что «онъ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ знанія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ».

О рвеніи и прилежаніи царственнаго ученика свидѣтельствуютъ собственноручныя его замѣтки, сохранившіяся въ государственномъ архивѣ, о разныхъ составахъ пороха, о калибрѣ орудій, о правилахъ, какимъ образомъ попадать бомбою въ данную точку. По случаю торжественнаго пріема посольства, въ Кенигсбергѣ происходили различныя празднества, русскіе послы выразили курфирсту благодарность за отправленіе въ Россію инженеровъ, принесшихъ не мало пользы при осадѣ Азова.

Министръ курфирста попытался было завести рѣчь о союзномъ договорѣ, но послы уклонились отъ переговоровъ. Бранденбургское правительство желало помощи со стороны Россіи, въ случаѣ нападенія Швеціи на владѣнія курфирста. Московское правительство, въ то время занятое турецкою войною, не могло желать столкновенія со Швеціею. Петръ не соглашался на заключеніе оборонительнаго союза.

Договоръ, заключенный Россіей съ бранденбургскимъ правительствомъ 12 іюля 1697 года, касался лишь вопросовъ торговой политики, выдачи преступниковъ и правъ русскихъ, отправленныхъ за границу для ученія. Между тѣмъ, русскій царь рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на западъ. Къ нему навстрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфирстина ганноверская Софія и дочь ея, курфирстина бранденбургская Софія Шарлотта.

Петръ отправился за границу, чтобъ посмотрѣть на диковины образованныхъ европейскихъ народовъ и многому отъ нихъ научиться. Двѣ представительницы просвѣщенной Европы хотѣли посмотрѣть на русскаго царя, на эту диковину, высылаемую малообразованною восточною Европою.

Свиданіе Петра съ курфирстинами происходило въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге. Пріѣхавъ въ это мѣстечко вечеромъ, царь остановился на ночлегъ въ домѣ крестьянина и ничего не зналъ про замыселъ принцессъ. Едва успѣлъ онъ войти въ домъ, гдѣ предполагалъ ночевать, какъ явился посланный съ просьбою пожаловать къ принцессамъ на ужинъ. Государь очень удивился и отказался наотрѣзъ: онъ хотѣлъ, чтобы всѣ принимали его за простого человѣка. Мать и дочь послали къ нему второго гонца, и Петръ сдался на ихъ просьбу, — только выговорилъ, чтобы на ужинѣ никого, кромѣ принцессъ, не было. Онъ пришелъ къ нимъ съ задняго крыльца, чтобы не встрѣтиться съ придворными. Принцессы приняли своего гостя радушно и изумлялись его высокому росту (безъ малаго три аршина), статности и мужественной красотѣ. Въ самомъ дѣлѣ Петръ былъ очень красивъ и строенъ, но невзгоды его юношескихъ лѣтъ и чрезмѣрные труды оставили на немъ замѣтный слѣдъ: голова его часто тряслась, а въ минуты раздумья или сильнаго волненья на лицѣ его появлялись безобразившія его судороги. Быстрый и пронзительный взглядъ вселялъ страхъ въ людяхъ непривычныхъ и слабонервныхъ.

Встрѣтившись съ принцессами, Петръ былъ сначала несмѣлъ и застѣнчивъ, закрывалъ лицо руками и на всѣ ихъ привѣтствія отвѣчалъ по-нѣмецки: «не могу говорить».

Однако, скоро онъ ободрился и сталъ разговаривать бойко и живо, на всѣ вопросы принцессъ давалъ отвѣты быстрые, мѣткіе, когда самъ, когда чрезъ переводчика, потому что по-нѣмецки говорилъ несвободно.

Къ концу ужина царь такъ освоился, что позволилъ впустить въ столовую придворныхъ, угощалъ кавалеровъ виномъ, заставляя выпивать по два и по три большихъ стакана; заставилъ выпить и принцессъ. Послѣ того всѣмъ стало еще веселѣе. Принцессы позвали итальянскихъ пѣвцовъ и велѣли имъ пѣть; государь слушалъ ихъ не безъ удовольствія и даже поднесъ главному пѣвцу большой стаканъ вина, но сказалъ принцессамъ, что музыку не очень любитъ.

Изъ Коппенбрюгге Петръ отправился вмѣстѣ съ посольствомъ, но, доѣхавъ до рѣки Рейна, съ десятью человѣками спустился Рейномъ и каналами до Амстердама, оставивъ позади себя большую часть членовъ посольства.

Въ нѣмецкой слободѣ, находившейся подъ Москвою, проживало много голландцевъ, которые расхвалили русскому царю свою родину; да и въ самомъ дѣлѣ — Голландія была страна богатая, просвѣщенная и мореходная. Пріѣхавъ въ главный голландскій городъ Амстердамъ, Петръ не захотѣлъ ждать отставшее посольство и поспѣшилъ приняться за работу. Около Амстердама, въ ближайшихъ городкахъ и мѣстечкахъ, находилось въ то время до 50 верфей; онѣ принадлежали частнымъ лицамъ и постоянно работали, строя корабли въ 5 — 6 недѣль. Одно изъ такихъ мѣстечекъ называлось Саардамъ. Государь зналъ его по разсказамъ саардамскихъ плотниковъ, работавшихъ въ Россіи. Онъ нанялъ ботъ и съ 6 человѣками поѣхалъ моремъ въ Саардамъ. Подъѣзжая къ этому мѣстечку, Петръ увидѣлъ въ морѣ лодку и въ ней знакомаго кузнеца Геррита Киста, который ловилъ угрей. Государь зналъ его въ Москвѣ и сейчасъ же окликнулъ. Кистъ увидѣлъ передъ собой московскаго государя, но усомнился, не обознался ли: Петръ былъ одѣтъ голландскимъ плотникомъ, въ красной фризовой курткѣ, бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ и низкой лакированной шляпѣ. Петръ объяснилъ ему, за-

чѣмъ пріѣхалъ въ Саардамъ, не велѣлъ никому говорить, кто онъ такой, и просился къ нему, Кисту, на житье. Бѣдный кузнецъ сталъ отговариваться тѣснотой, но государь настоялъ на своемъ и приказалъ приготовить себѣ комнату.

Домикъ Киста состоялъ всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, въ одно окно каждая, и третьей темной каморки, куда можно было поставить только кровать. У Киста проживала вдова поденщика; онъ уговорилъ ее выѣхать, обѣщавъ приплатить, и сталъ прибирать домикъ для новаго жильца. А Петръ зашелъ тѣмъ временемъ съ товарищами въ трактиръ. День былъ воскресный, народу бродило по улицамъ много; огромная толпа собралась вокругъ трактира поглазѣть на невѣдомыхъ иноземцевъ; всѣ спутники Петра были въ русскомъ платьѣ.

Молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ, вмѣстѣ съ своими товарищами не могъ не обратить на себя вниманіе жителей Саардама. Пошли разспросы, — что за люди, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Петръ отвѣчалъ по-голландски, что все это простые плотники, пріѣхавшіе учиться и работать. Изъ трактира онъ отправился къ Кисту, въ самую дальнюю, глухую, часть Саардама и легъ спать.

На слѣдующій день, рано утромъ, Петръ вышелъ изъ дому, купилъ въ лавкѣ плотничный инструментъ, пошелъ на верфь и записался тамъ въ работники, назвавшись Петромъ Михайловымъ, а во вторникъ уже работалъ на верфи отъ восхода до заката солнца.

Работая на верфи корабельнаго мастера Рогге, русскій царь бывалъ въ гостяхъ у родственниковъ нѣкоторыхъ голландскихъ ремесленниковъ, съ которыми встрѣчался въ Россіи, осматривалъ разныя фабрики и мастерскія, маслобойни, прядильни, пильные и канатные заводы, кузницы: все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается; однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ изъ чана массы и отлилъ отличный листъ. За ручной трудъ Петръ брался при всякомъ удобномъ случаѣ; всего труднѣе было ему оставаться

Домикъ въ Саардамѣ, гдѣ обиталъ Петръ I.

лишь зрителемъ чужой работы, особенно незнакомой ему; невольно протягивалъ онъ руку къ незнакомому инструменту; ему все хотѣлось сработать самому. Привычка къ «рукомеслу» развила въ немъ необыкновенную смѣтливость: зорко, внимательно вглядѣвшись въ незнакомую работу, онъ мигомъ усвоялъ ее и скоро становился въ ней мастеромъ. Ранняя наклонность къ ремесленнымъ занятіямъ, къ технической работѣ со временемъ превратилась въ простую привычку, въ безотчетный позывъ; онъ принимался изучать всякое новое для него мастерство, прежде, чѣмъ успѣвалъ подумать, на что оно ему понадобится; съ лѣтами онъ пріобрѣлъ необъятную массу техническихъ знаній. Уже на 25 году жизни, по свидѣтельству нѣмецкихъ принцессъ, Петръ зналъ въ совершенствѣ до 14 ремеслъ. Онъ былъ искусный плотникъ, токарь, рѣзчикъ, кузнецъ, канатный мастеръ, садовникъ, дровосѣкъ, фейерверкеръ, барабанщикъ, трубачъ... Впослѣдствіи на любой фабрикѣ, въ какой угодно мастерской, онъ былъ какъ у себя дома. Въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось жить, онъ оставилъ послѣ себя множество вещей, сработанныхъ имъ собственноручно: шлюпокъ, столовъ, стульевъ, табакерокъ и т. п. Можно только удивляться, откуда брался у русскаго царя досугъ на всѣ эти безчисленныя бездѣлки. Успѣхъ въ рукомеслѣ поселилъ въ немъ большую увѣренность въ ловкости своей руки: онъ считалъ себя и опытнымъ хирургомъ и ловкимъ зубнымъ врачомъ.

Но всего выше ставилъ Петръ мастерство корабельное. Современники считали его лучшимъ корабельнымъ мастеромъ въ Россіи. Онъ могъ быть не только опытнымъ надзирателемъ и руководителемъ при постройкѣ корабля, — онъ могъ самъ построить корабль отъ основанія до мельчайшихъ подробностей отдѣлки. Онъ гордился своимъ искусствомъ въ этомъ мастерствѣ и не жалѣлъ денегъ и усилій, чтобы водворить и упрочить его въ своемъ отечествѣ. Изъ него, уроженца города Москвы, столь удаленнаго отъ моря, вышелъ истый морякъ, которому морской воздухъ нуженъ былъ, какъ вода рыбѣ.

Петръ Великій въ Саардамѣ. Хозяйка выговариваетъ Царю-работнику.

Любимой забавой Петра во время его пребыванія въ Саардамѣ было катанье на яликѣ, который онъ купилъ на другой же день по пріѣздѣ въ этотъ городъ. Своимъ поведеніемъ и видомъ, которыми русскій царь не походилъ на простого плотника, онъ вскорѣ выдалъ себя: заговорили, что это не простой плотникъ,—и вдругъ разносится слухъ, что это самъ царь московскій.

Кистъ сдержалъ слово, не проболтался, кто таковъ его жилецъ, но саардамцы все-таки узнали правду. Одному старику-плотнику писалъ сынъ изъ Москвы, что ѣдетъ въ Голландію великое посольство и что въ посольствѣ самъ царь и узнать его можно по примѣтамъ: высокаго роста, головой трясетъ, правой рукой размахиваетъ, на правой щекѣ бородавка. Старикъ-плотникъ зашелъ въ цырюльню и прочиталъ тамъ письмо громогласно, въ это время, какъ нарочно, пришли въ цырюльню русскіе плотники, и одинъ изъ нихъ, Петръ Михайловъ, былъ таковъ, какъ написано въ письмѣ. Вѣсть объ этомъ разнеслась всюду, да и самъ Петръ, противъ своей воли, выдавалъ правду. И видъ его, и гнѣвливый, нетерпѣливый нравъ, и другія привычки показывали, что онъ не простой работникъ.

Отработавъ на верфи до заката солнца, государь возвращался однажды вечеромъ домой, дорогой онъ купилъ сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и кушалъ. Къ нему пристали мальчишки и стали выпрашивать сливъ; Петръ далъ одному, другимъ не далъ, — тѣ начали бросать въ него грязью, потомъ камнями, такъ что Петръ долженъ былъ укрыться въ трактиръ. Онъ сильно разгнѣвался и,ославъ за бургомистромъ (то-есть начальникомъ города), пожаловался ему на грубость мальчишекъ.

Бургомистръ немедленно вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ грозилъ жестокимъ наказаньемъ за бросанье грязью и каменьями въ знатныхъ иноземцевъ, которые хотятъ остаться неизвѣстными. Кромѣ того, онъ поставилъ сторожей на мосту, чтобы не давать толпиться народу передъ домомъ Киста.

Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказывался отъ почетныхъ приглашеній и отъ

удобнаго помѣщенія. Толпа любопытныхъ попрежнему преслѣдовала русскаго царя, что его продолжало сердить. Однажды на плотинѣ, когда онъ вышелъ изъ своего буера, ждала его цѣлая толпа, а нѣкто Марсенъ, выступивъ впередъ, уставился прямо на него. Петръ въ досадѣ далъ ему знатную оплеуху. «Браво, Марсенъ!» вскрикнулъ народъ, «ты пожалованъ въ рыцари!» Встарину, дѣйствительно, былъ обычай, что короли, жалуя въ дворяне, въ рыцари, ударяли шпагой пожалованнаго. И названіе «рыцарь» осталось за Марсеномъ навсегда.

Петръ увидѣлъ, наконецъ, что ему невозможно оставаться въ Саардамѣ и, послѣ восьмидневнаго пребыванія въ этомъ городѣ, уѣхалъ въ Амстердамъ, куда прибыло и посольство. Пріемъ былъ пышный и почетный. Всѣмъ стало извѣстно, что въ посольствѣ самъ царь. Петръ зналъ одного изъ амстердамскихъ бургомистровъ—Витсена, который бывалъ въ Россіи и исполнялъ въ Голландіи заказы русскаго царя. Этого-то Витсена Петръ попросилъ опредѣлить себя на хорошую верфь. Витсенъ мигомъ исполнилъ желаніе государя и устроилъ такъ, что нарочно на этотъ случай былъ заложенъ корабль.

Чтобы не терять времени, государь ночью поплылъ на буерѣ въ Саардамъ, забралъ тамъ свой инструментъ, и на другой день рано утромъ перебрался на новоселье, успѣвъ побывать еще у корабельнаго мастера Клоса Поля, къ которому поступилъ въ ученье. Всѣхъ своихъ спутниковъ-добровольцевъ онъ расписалъ по разнымъ корабельнымъ мастерамъ, а десятерыхъ оставилъ при себѣ.

Принялись за работу. Сначала, недѣли три, Петръ приготовлялъ матеріалъ: усердно сплочивалъ, сколачивалъ, стругалъ, пилилъ, конопатилъ и смолилъ, а потомъ, по указанію мастера, заложилъ корабль и принялся его строить. Съ зарей шелъ онъ на работу и трудился усердно; утомившись, садился на какой-нибудь обрубокъ, опускалъ топоръ между колѣнъ и отиралъ потъ. Отдыхая, онъ дружелюбно бесѣдовалъ съ товарищами-рабочими, разговаривалъ и съ посторонними, если они называли его: «плотникъ

Петръ саардамскій» или «мастеръ Петръ»; но когда, снимая передъ нимъ шляпы, обращались къ нему со словами: «ваше величество» или «милостивый государь», то царь не откликался и поворачивался спиной. Всѣмъ было извѣстно, кто таковъ Петръ Михайловъ, но онъ все-таки хотѣлъ, чтобы въ немъ хоть по виду не признавали царя, дабы избѣжать докуки и свободно работать. Когда дневная работа кончалась, онъ уходилъ домой пѣшкомъ, заткнувъ топоръ за поясъ. А дома его ждала другая работа: онъ читалъ письма и донесенія изъ Москвы, усталой рукой писалъ отвѣтъ — коротко и торопливо, сильно и грозно.

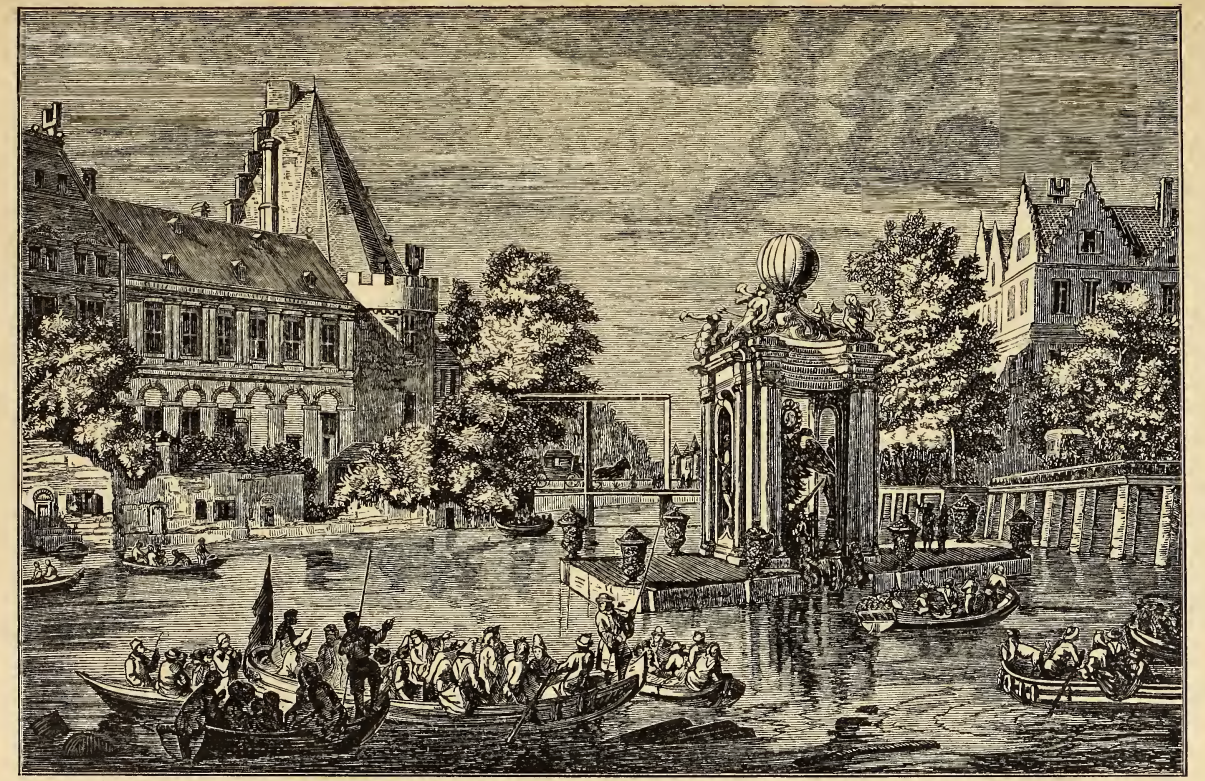
Однажды Петръ, утомившись отъ работы, сидѣлъ на деревянномъ обрубкѣ и отдыхалъ. Въ это время пришелъ на верфь одинъ знатный иноземецъ посмотрѣть на царя-работника. Мимо Петра рабочіе пронесли бревно; мастеръ Поль пожелалъ показать гостю, что царь есть работникъ настоящій, какъ слѣдуетъ быть, и потому крикнулъ:

— Петръ саардамскій, помоги товарищамъ, видишь,— тяжело.

Петръ, не говоря ни слова, подставилъ плечо и помогъ дотащить бревно до мѣста.

Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался государь въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витсеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ штатгальтеромъ голландскимъ и королемъ англійскимъ Вильгельмомъ Оранскимъ. Витсенъ долженъ былъ водить его всюду, все показывать: китовый флотъ (т.-е. корабли, приспособленные для ловли китовъ), госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія. Особенно понравился Петру анатомическій кабинетъ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ,— слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь.

Вслѣдствіе недостатка досуга, Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ, во время поѣздки въ г. Лейденъ на яхтѣ, часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ.



Торжественный въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ.

Ненасытная жадность царя все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали, слышалось только: «это я долженъ видѣть!» И ночью онъ не давалъ имъ покоя: стоило экипажу, въ которомъ онъ ѣхалъ, получить сильный толчокъ, и онъ кричалъ: «стой! что это такое?» Надобно было зажигать фонари и показывать. Короче сказать, ничто не проходило мимо глазъ Петра незамѣченнымъ; онъ ко всему присматривался и обо всемъ спрашивалъ, стараясь взять въ толкъ всякое новое для него дѣло.

Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ въ Амстердамѣ: оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, который соотвѣтствовалъ тогдашней главной думѣ Петра: она (т.-е. гравюра) представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки.

Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патріарху Адріану въ Москву:

«Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану».

Кромѣ патріарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которыя извѣщали его о томъ, что происходило тогда въ Россіи. Охотнѣе, чѣмъ съ другими, переписывался царь съ Виніусомъ, какъ съ человѣкомъ, болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности.

Всѣ власти Голландіи ухаживали за русскимъ государемъ, угощали его и, чтобъ особенно ему угодить, устроили примѣрное морское сраженіе. Царь пріѣхалъ на богато убранной яхтѣ; его встрѣтили почетной пальбой изъ всѣхъ

пушекъ. Потомъ онъ пересѣлъ на военный корабль и непрерывно направлялъ его туда, гдѣ пальба была сильнѣе. Зрѣлище было великолѣпное, и государь остался очень доволенъ.

Наконецъ, корабль, который строилъ Петръ съ товарищами, былъ готовъ, спущенъ на воду и названъ «Петръ и Павелъ». Корабль вышелъ хорошій и многіе годы плавалъ съ товарами въ Остъ-Индію, дальнюю азіатскую страну. Мастеръ Поль выдалъ Петру свидѣтельство, что онъ, Петръ Михайловъ, при исполненіи корабельныхъ работъ, поступалъ какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ и корабельное строеніе и черченіе плановъ знаетъ хорошо.

Учитель былъ доволенъ ученикомъ, да ученикъ не былъ доволенъ учителемъ. Ему хотѣлось выучиться — по какимъ правиламъ слѣдуетъ приготовлять весь планъ корабельной постройки, хотѣлось познакомиться съ наукой кораблестроенія, а не съ однимъ ремесломъ. Этому въ Голландіи научить его не могли, и Петръ сталъ жалѣть, что забрался въ такую даль для малаго дѣла; ходилъ невеселъ, на пирушкахъ сидѣлъ задумчивъ. На одной изъ такихъ пирушекъ, происходившей на загородномъ дворѣ голландскаго купца Яна Тесинга, русскаго царя спросили:

— Отчего ты, государь, такой печальный сидишь среди насъ, пришедшихъ сюда повеселиться?

— Оттого я невеселъ здѣсь сижу,— отвѣчалъ Петръ, — что преслѣдуетъ меня досадная мысль: зачѣмъ я забрался въ такія далекія страны и не могу научиться тому, что необходимо знать каждому порядочному кораблестроителю. Я хочу знать, какъ строить корабли по плану и чертежу, по правиламъ науки, — словомъ, я хочу знать корабельную архитектуру.

— Не тужить и горевать, не печаловаться и не сокрушаться тутъ тебѣ, о, государь! — замѣтилъ тогда англичанинъ, который присутствовалъ на пирушкѣ Яна Тесинга,— а отправиться въ Англію, гдѣ корабельная архитектура достигла такого же совершенства, какъ и другія строительныя искусства. Такъ что ты, государь, при своихъ боль-

шихъ способностяхъ, можешь въ скоромъ времени изучить во всѣхъ подробностяхъ корабельную архитектуру.

— Спасибо тебѣ, Джонъ (такъ звали англичанина, бывшаго въ гостяхъ у Яна Тесинга), что разогналъ мою печаль-тоску столь пріятнымъ для меня извѣстіемъ, что въ Англіи могу я научиться тому, что особенно мнѣ желательно знать! — весело проговорилъ Петръ, наливая въ большой бокалъ лучшаго вина. — Пью за твое здоровье, Джонъ, и за процвѣтаніе твоего отечества.

— Позволь мнѣ, государь, — отвѣчалъ англичанинъ, подымая высоко надъ столомъ свой бокалъ,—прежде всего поблагодарить тебя за твои добрыя пожеланія, а затѣмъ, въ свою очередь, выпить за твое, столь драгоцѣнное для Россіи и ея процвѣтанія, здоровье и пожелать тебѣ и твоей Россіи столь успѣшнаго развитія морского дѣла, чтобы русскіе военные корабли въ близкомъ будущемъ были такъ же страшны твоимъ врагамъ-сосѣдямъ, какъ англійскіе корабли наводятъ страхъ и трепетъ на всѣхъ завистниковъ могущества и матеріальнаго процвѣтанія моего отечества.

— Большое тебѣ спасибо, Джонъ, за столь пріятное для меня пожеланіе, котораго я не забуду до конца дней своихъ! — съ радостнымъ лицомъ проговорилъ Петръ.

Янъ Тесингъ, а за нимъ и всѣ гости пили тогда за здоровье русскаго царя и за процвѣтаніе морского дѣла въ Россіи.

Петръ окончательно развеселился, и веселая пирушка затянулась далеко за полночь.

Въ то время королемъ англійскимъ былъ Вильгельмъ Оранскій, штатгальтеръ (т.-е. намѣстникъ) голландской республики; онъ недавно видѣлся съ Петромъ въ Голландіи и, вернувшись въ Англію, послалъ московскому государю въ даръ великолѣпную яхту. Петру подарокъ пришелся очень по вкусу; онъ отправилъ нарочнаго посла благодарить короля и велѣлъ сказать, что желаетъ пріѣхать въ Англію незнатнымъ лицомъ поучиться морскому дѣлу.

Петръ Великій въ Голландіи.

6 января 1698 года царь отправился въ Англію. Лефортъ остался въ Нидерландахъ. Англійскій король Вильгельмъ III приказалъ предоставить въ распоряженіе царя два военныхъ судна и двѣ яхты для переѣзда въ Англію. Во время переправы была бурная погода. Петръ былъ одѣтъ въ матросское платье и все время бесѣдовалъ съ англійскимъ вице-адмираломъ Мичелемъ о частностяхъ морского дѣла. 11 января онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ для него и для его свиты, состоявшей изъ десяти человѣкъ, было приготовлено помѣщеніе на берегу Темзы.

Царь провелъ въ Англіи четыре мѣсяца. Въ теченіе перваго мѣсяца онъ занимался, между прочимъ, осмотромъ корабельныхъ верфей и пристаней, удобныхъ для судовъ большихъ и малыхъ; при помощи инспектора англійскаго флота Альтона Дина онъ собиралъ свѣдѣнія о судостроеніи. Петра можно было видѣть ежедневно на Темзѣ, или на парусной яхтѣ или на гребномъ суднѣ; болѣе всего онъ любилъ плавать на какомъ-нибудь небольшомъ, принадлежавшемъ корабельной верфи, палубномъ суднѣ.

Въ Лондонѣ Петръ посѣтилъ музей ученаго общества, гдѣ видѣлъ многія диковинныя для себя вещи, побывалъ въ арсеналѣ, на монетномъ дворѣ и въ астрономической обсерваторіи (т.-е. въ учрежденіи, гдѣ наблюдаютъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ), въ университетѣ и въ театрѣ, ничего не пропуская безъ вниманія.

Но больше всего царь занимался наукой кораблестроенія; для этого онъ переѣхалъ въ городъ Детфордъ, недалеко отъ Лондона, и поселился въ домѣ, задняя часть котораго выходила прямо къ верфи, такъ что онъ ходилъ на работу, не переходя даже улицу. На верфи онъ занимался усердно, пока не познакомился основательно съ кораблестроительною наукою. Въ то же время онъ проходилъ морскую артиллерійскую науку и для этого ѣздилъ въ городъ Вуличъ, гдѣ былъ и арсеналъ, и литейный заводъ, и склады разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ; здѣсь онъ практиковался, между прочимъ, въ метаніи бомбъ и обучился на дѣлѣ морскому искусству.

Особенное удовольствіе Петру доставляли маневры на морѣ, устроенные нарочно для него близъ города Портсмута. Изъ подробнаго описанія путешествія въ Портсмутъ мы узнаемъ, что во время дороги болѣе всего интересовали царя желѣзные заводы, мосты, пристани для кораблей и военныя суда.

Уѣзжая изъ Англіи, Петръ болѣе всего радовался тому, что въ этой странѣ вполнѣ изучилъ науку кораблестроенія; впослѣдствіи, бесѣдуя съ друзьями, онъ говаривалъ: «Не поучись я у англичанъ, я бы не сдѣлался кораблестроителемъ и навсегда остался бы корабельнымъ плотникомъ».

Изъ Англіи царь отправился черезъ Голландію въ Вѣну. Проѣздомъ онъ посѣтилъ мѣстечко Биллефельдъ, гдѣ обратили на себя его вниманіе полотняныя фабрики и городъ Лейпцигъ, въ которомъ онъ занимался артиллерійскими упражненіями. Въ городѣ Дрезденѣ Петръ всю ночь провелъ въ кунсткамерѣ, осматривая математическіе инструменты и ремесленныя орудія. На другой день, посѣтивъ мѣсто храненія всякаго рода военныхъ орудій и снарядовъ, царь удивилъ всѣхъ присутствовавшихъ своими точными свѣдѣніями о пушкахъ, замѣчая малѣйшіе недостатки различныхъ показываемыхъ ему орудій и объясняя причины этихъ недостатковъ.

Австрійскій императоръ Леопольдъ не могъ не обратить серіознаго вниманія на сближеніе съ Россіею, и потому придавалъ важное значеніе появленію царя въ Вѣнѣ. Еще въ XVI и XVII вв. между Австріею и Московскимъ государствомъ существовали болѣе или менѣе оживленныя сношенія. Теперь же Петръ и Леопольдъ являлись союзниками въ борьбѣ съ турками.

Торжественный въѣздъ русскихъ пословъ въ Вѣну происходилъ 16 іюня 1698 года, вечеромъ.

При австрійскомъ дворѣ въ честь русскаго государя было устроено особое празднество. На этомъ празднествѣ царь былъ въ костюмѣ голландскаго крестьянина, а императоръ съ императрицей — въ нарядѣ хозяина и хозяйки

гостиницы. Безъ соблюденія особенныхъ формальностей, Петръ за ужиномъ выпилъ за здоровье радушнаго хозяина, а Леопольдъ осушилъ бокалъ за здоровье дорогого гостя. Послѣ ужина начался балъ. Петръ участвовалъ въ танцахъ.

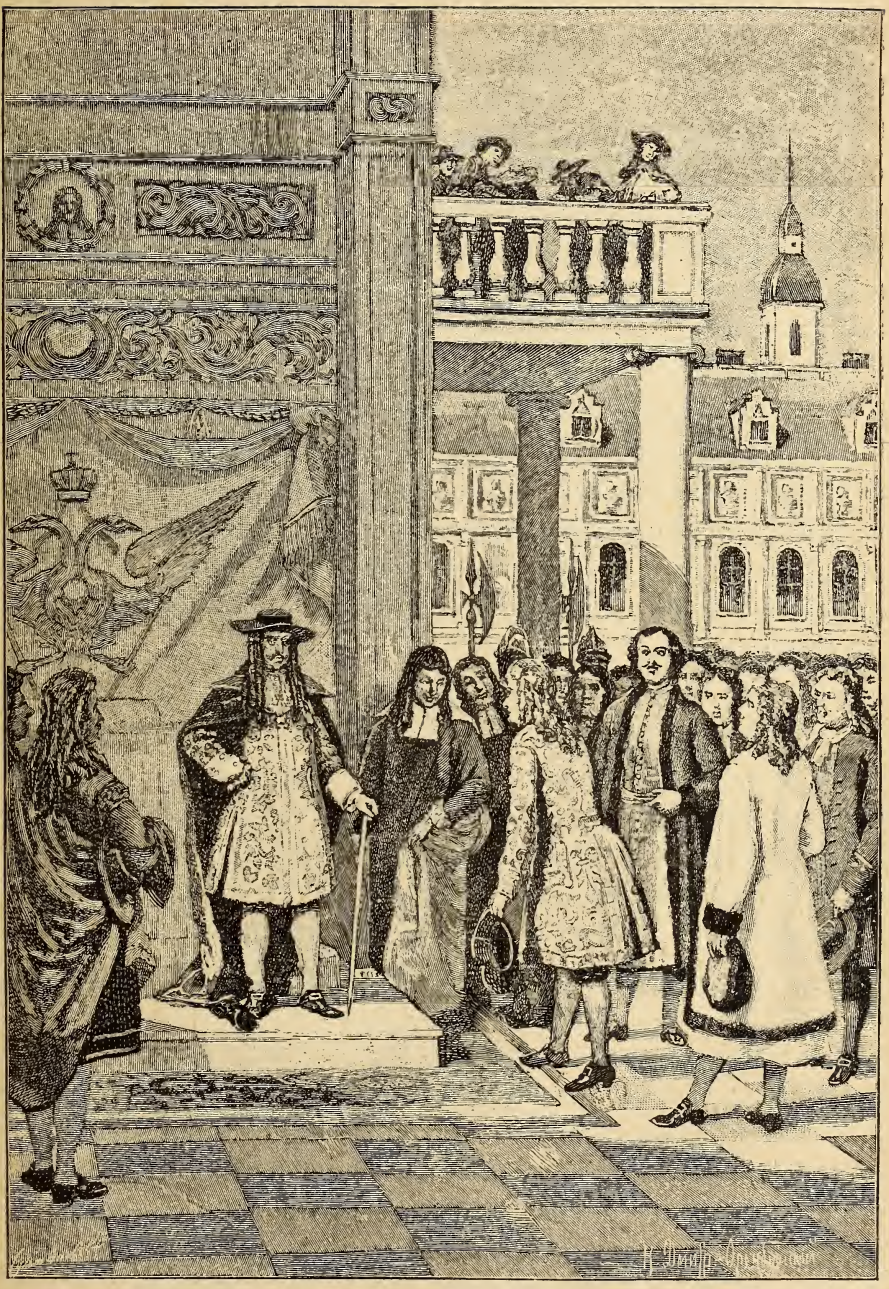
Три дня спустя, австрійскій императоръ отдалъ визитъ русскому царю.

18 іюля 1698 года происходила торжественная аудіенція (т.-е. пріемъ) русскихъ пословъ у Леопольда. При этой церемоніи самъ царь находился въ свитѣ посольства. Императоръ спросилъ, по обычаю, о здоровьѣ русскаго государя; послы отвѣчали, что—какъ они съ Москвы поѣхали, его царское величество остался въ желаемомъ здоровьѣ. За обѣдомъ, послѣдовавшимъ за аудіенціею, Лефорту поднесли нѣсколько сортовъ вина; онъ попробовалъ каждаго сорта, нашелъ всѣ вина равно вкусными и на французскомъ языкѣ просилъ дозволенія дать отвѣдать ихъ своему доброму другу, стоявшему за его столомъ: то былъ самъ царь.

Переговоры русскихъ пословъ съ австрійскими министрами и съ самимъ Леопольдомъ привели къ тому результату, что австрійскій императоръ обѣщалъ, когда начнутся мирные переговоры съ турками, настаивать на томъ, чтобы Турція отдала Россіи завоеванное Петромъ прибрежье Азовскаго моря и еще крѣпость Керчь.

Окончивъ дипломатическіе переговоры съ австрійскимъ императоромъ, русскій царь собирался ѣхать дальше, въ Венецію, поучиться постройкѣ галеръ (т.-е. большихъ гребныхъ судовъ). Вдругъ пришло изъ Москвы донесеніе, что взбунтовались стрѣльцы. Государь на другой же день выѣхалъ обратно въ Россію.

Такъ окончились поѣздки великаго преобразователя Россіи въ чужіе края за европейской наукой. Полтора года прошли для Петра незамѣтно. Ко всему онъ присматривался, во все вникалъ; ѣдучи дорогой, часто выходилъ изъ повозки, осматривалъ домашнія и полевыя работы крестьянъ, входилъ въ ихъ хижины. И дома и въ дорогѣ при немъ постоянно была записная книжка; онъ записывалъ все, что видѣлъ новаго, а иногда приказывалъ разныя вещи



Петръ Великій въ Вѣнѣ у императора Леопольда въ 1698 г.

срисовывать или набрасывать съ нихъ чертежъ. Даже при перемѣнѣ лошадей на почтовыхъ станціяхъ государь спрашивалъ—нѣтъ ли вблизи чего замѣчательнаго, и если что было, ходилъ смотрѣть. Усталости онъ не зналъ: въ Голландіи сбились съ ногъ приставленные къ нему люди, бѣгая за нимъ всюду. И дѣйствительно, служба ихъ была трудная: Петръ доискивался всего, что могло принести его государству пользу и выгоду. Прихотямъ богатыхъ людей, пышности и великолѣпію онъ цѣны не давалъ и всячески отъ нихъ сторонился. Курфюрстъ бранденбургскій прислалъ за нимъ богатую карету, Петръ же вышелъ изъ дому черезъ заднее крыльцо и пришелъ къ нему пѣшкомъ.

Русскаго царя приводила въ изумленіе иноземная наука, которая многое себѣ покорила и надъ многимъ властвовала. Признавая великую силу за тѣмъ научнымъ знаніемъ, до котораго дошелъ просвѣщенный науками и искусствами европейскій умъ, Петръ не могъ не замѣтить въ чужихъ земляхъ много хорошаго, достойнаго подражанія.

VIII.

Дома, на Руси, неразумные приверженцы старины во всѣхъ дѣлахъ Петра видѣли конечное разрушеніе православія. Его простой образъ жизни, его презрѣніе ко всѣмъ неразумнымъ обычаямъ, его дружба съ иноземцами,—все казалось имъ ужаснымъ зломъ, напоминавшимъ о скоромъ пришествіи антихриста. Брадобритіе и табакъ, по ихъ понятію, были губительнѣе для души, чѣмъ всякаго рода невѣжество, насилія, обманы, грабительства, какими полна была древняя Русь. Раскольники толковали: «Писано въ книгахъ, что восьмой царь будетъ антихристъ. Это и есть Петръ; онъ и головою запрометываетъ, и ногою запинается, и его нечистый духъ ломаетъ. Онъ подмѣненный, родился отъ нѣмки... царица родила дочь, а подложили Францова Лефортова сына». Потомъ, когда Петръ отправился за границу, шли слухи, что его засадили въ бочку въ Стекольномъ государствѣ

(т.-е. въ шведскомъ городѣ Стокгольмѣ), и возвратился въ Россію не русскій государь, а какой-то самозванецъ-нѣмчинъ.

Происхожденіе такихъ нелѣпыхъ слуховъ о государѣ, главною задачею дѣятельности котораго было умственное и нравственное просвѣщеніе своего народа и матеріальное его обогащеніе, возможно объяснять лишь невѣжествомъ нашихъ предковъ. Это невѣжество было однимъ изъ слѣдствій пагубнаго вліянія татарщины на русскій народъ. Грамотѣ на Руси учились немногіе, да и то для церковной потребы. Объ образованіи и просвѣщеніи ума наукой большинство русскихъ людей не только не помышляло, но всякаго знанія боялось какъ зла. Было у русскихъ людей общее благо — вѣра православная, но и ее разумѣли не по духу, а по буквѣ. Церковь учитъ, что и мірянинъ и монахъ могутъ спастись, живя каждый по-своему, лишь бы соблюдали законъ Божій. Каждый просвѣщенный человѣкъ это понимаетъ, но въ допетровской Руси просвѣщенныхъ людей было очень мало, а потому у большинства русскихъ людей монастырское правило стало мало-по-малу правиломъ доброй домашней жизни. Богоугоднымъ дѣломъ стали въ мірѣ считать только богомольные монастырскіе подвиги, а о томъ, что міряне должны дѣлать на пользу себѣ и другимъ, не заботились. Мірскія пѣсни, пляски, качанье на качеляхъ, скаканье на доскахъ и другія невинныя забавы были признаны грѣховными и преслѣдовались; за куренье табаку рѣзали носы и били кнутомъ.

Пребывая во тьмѣ невѣжества, русскіе люди все свое, хоть и дурное, считали хорошимъ, праведнымъ, а все иноземное, хоть и хорошее, — нечестивымъ, поганымъ. Нѣкоторые неразумные книжные люди, не просвѣщенные свѣтомъ европейской науки, называли русскій народъ богоизбраннымъ израилемъ, а всѣ другіе народы — богоненавистниками. Общеніе съ иноземцами позволялось лишь въ силу крайней необходимости. Этихъ иноземцевъ поселили въ Москвѣ въ особой слободѣ, названной—Кокуй. Ходить туда православнымъ считалось непристойнымъ; нѣмцамъ выхо-

дить изъ своей слободы было не всегда безопасно. Мальчишки, завидѣвъ на московской улицѣ иноземца, собирались толпой и кричали: «Нѣмецъ, нѣмецъ, цыцъ на Кокуй, цыцъ на Кокуй». Иновѣрцамъ не дозволялось ходить въ русскую церковь, а если это случалось, то ее окуривали ладаномъ и окропляли святой водой. Еще хуже считалось для православныхъ, если кто изъ нихъ зайдетъ въ иновѣрческую церковь. Ѣсть вмѣстѣ съ иновѣрцами въ глазахъ нашихъ предковъ было зазорно. Вслѣдствіе своего невѣжества, русскіе люди сторонились не только отъ иновѣрцевъ, но и отъ иноземцевъ—православныхъ. Все это происходило оттого, что православные иноземцы были одѣты не такъ, какъ русскіе, говорили не русскимъ языкомъ, держались привычекъ, несходныхъ съ русскими. Невѣжественные предки наши видѣли въ родномъ языкѣ, въ русской одеждѣ и въ обычаяхъ своего народа печать православія и полагали, что истиннымъ православнымъ христіаниномъ можетъ быть только русскій человѣкъ, одѣтый въ національный костюмъ и строго придерживающійся старинныхъ, хотя бы и неразумныхъ обычаевъ.

Лучшіе русскіе люди стали сознавать, что Московскому государству надо завести новые порядки, обогатиться, просвѣтиться и усилиться, иначе опасность со стороны враговъ-сосѣдей могла усиливаться съ каждымъ годомъ. При царѣ Алексѣѣ появились наставники изъ западно-русскихъ ученыхъ людей, сначала во дворцѣ, потомъ у вельможъ. Самый знаменитый изъ нихъ—Симеонъ Полоцкій въ своихъ проповѣдяхъ умолялъ русскихъ людей обратиться къ изученію науки. Въ сознаніе лучшихъ московскихъ людей стала проникать идея, что наука нужна и бояться ея нечего: отъ огня, желѣза и воды гибнетъ много людей, однако, безъ нихъ нельзя обойтись, надо только владѣть ими умѣючи. При царѣ Ѳеодорѣ появились первыя почты; съ царя Алексѣя стали вывозить изъ-за моря куранты (газеты), при немъ же появились въ Москвѣ двѣ аптеки, больше прежняго допускались мірскія игры и забавы, завелись даже комедіи для забавы царской. Начали проби-

раться иноземные обычаи: подстриганье и бритье бородъ, короткое иноземное платье и т. п. Все это служило знаменіемъ новаго времени; все это доказывало, что русская земля, въ лицѣ лучшихъ представителей, не прочь свернуть на новый для нея путь, по которому давно уже шла вся Европа.

Но дѣло обновленія и просвѣщенія Московскаго государства плохо подвигалось впередъ. Чувствовалась потребность, чтобы за это дѣло—обновленія и просвѣщенія—взялся крѣпкой рукой такой человѣкъ, который былъ бы чуждъ всякимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ и представлялъ бы изъ себя образецъ рѣшительности и твердости. Такимъ рѣшительнымъ преобразователемъ своего государства и твердымъ его правителемъ явился Петръ Великій. Онъ не боялся и не сторонился иноземцевъ, жившихъ въ нѣмецкой слободѣ, считая полезными для Россіи тѣхъ изъ нихъ, которые могли познакомить русскій народъ съ европейскою наукою. Московскіе государи изъ Москвы далеко не ѣздили, посѣщали только монастыри и выѣзжали на охоту, въ военныхъ походахъ рѣдко принимали участіе. Петръ же больше ѣздилъ, чѣмъ сидѣлъ дома, безпрестанно переносился съ одного конца государства на другой. Прежніе государи не только въ чужія земли не ѣздили, но и подданныхъ своихъ туда не посылали, кромѣ посольскихъ надобностей; Петръ самъ поѣхалъ въ Европу и пробылъ тамъ полтора года. Бояре и дворяне считали непристойнымъ заниматься ремеслами; Петръ отправилъ въ ученье къ иноземцамъ боярскихъ и дворянскихъ дѣтей и самъ работалъ не хуже поденщика. У прежнихъ царей большая часть дня проходила въ богомольѣ; всякій день они выстаивали въ церкви утреню, обѣдню и вечерню; посты держали строго; кремль, жилище государя, походилъ на большой монастырь, а государь—на всероссійскаго церковнаго старосту. Петръ тоже былъ православный христіанинъ, но совсѣмъ на другой ладъ. Онъ велъ жизнь трудовую, рабочую, отдыха почти не зналъ, свободнаго времени не имѣлъ, а потому не жилъ и не могъ жить по монастырскому правилу. Онъ былъ государь великой земли

русской, мірской человѣкъ, а не монахъ; заботиться о благѣ подданныхъ, устроеніи земли, ея богатствѣ и преуспѣяніи,— вотъ въ чемъ былъ его долгъ передъ Богомъ, а не въ иноческомъ подвижничествѣ.

Но на Руси, вслѣдствіе невѣжества нашихъ предковъ, сильнѣе всего былъ обычай, дороже всего старина. Молодой государь, признавъ неразумными нѣкоторые вѣковѣчные обычаи своего народа, счелъ возможнымъ нарушить ихъ и завести новые, невиданные порядки. Неразумные сторонники старины стали роптать и глухо заговорили про нечестивые поступки, замыслы и поведеніе русскаго царя. Больше всѣхъ роптали стрѣльцы.

25 августа 1698 года, пріѣхалъ въ Москву изъ чужихъ краевъ государь. Онъ былъ недоволенъ стрѣлецкимъ возстаніемъ и рѣшилъ доискаться всей правды.

Судъ надъ стрѣльцами тянулся долго; 30 сентября начались казни. Въ этотъ день 200 человѣкъ стрѣльцовъ повезли изъ Преображенскаго къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло ихъ по-двое, держа въ рукѣ по зажженной свѣчѣ, за телѣгами бѣжали стрѣльчихи и стрѣльчата, плача во весь голосъ.

Переказнивъ виноватыхъ и сославъ нѣсколько десятковъ на дальнее житье, государь приказалъ всѣхъ остальныхъ московскихъ и азовскихъ стрѣльцовъ распустить по городамъ, кто куда захочетъ, переселить къ нимъ женъ и дѣтей и не пускать изъ новыхъ мѣстъ на жительство въ Москву.

Рѣшивъ покончить со стрѣльцами, государь въ то же время положилъ начать войну со старыми обычаями и порядками, которые наиболѣе отличали Россію отъ Европы. По своему обыкновенію, Петръ принялся за дѣло тотчасъ же, круто и рѣшительно. На другой день по возвращеніи изъ-за границы, 26 августа 1698 г., рано утромъ, когда пришли къ нему на поклонъ люди знатные и незнатные, онъ ласково со всѣми здоровался, со многими обнимался и цѣловался, при этомъ собственноручно обрѣзывалъ вельможамъ бороды, не тронувъ только самыхъ почтенныхъ стариковъ. Въ день новолѣтія, 1 сентября, былъ у Шеина

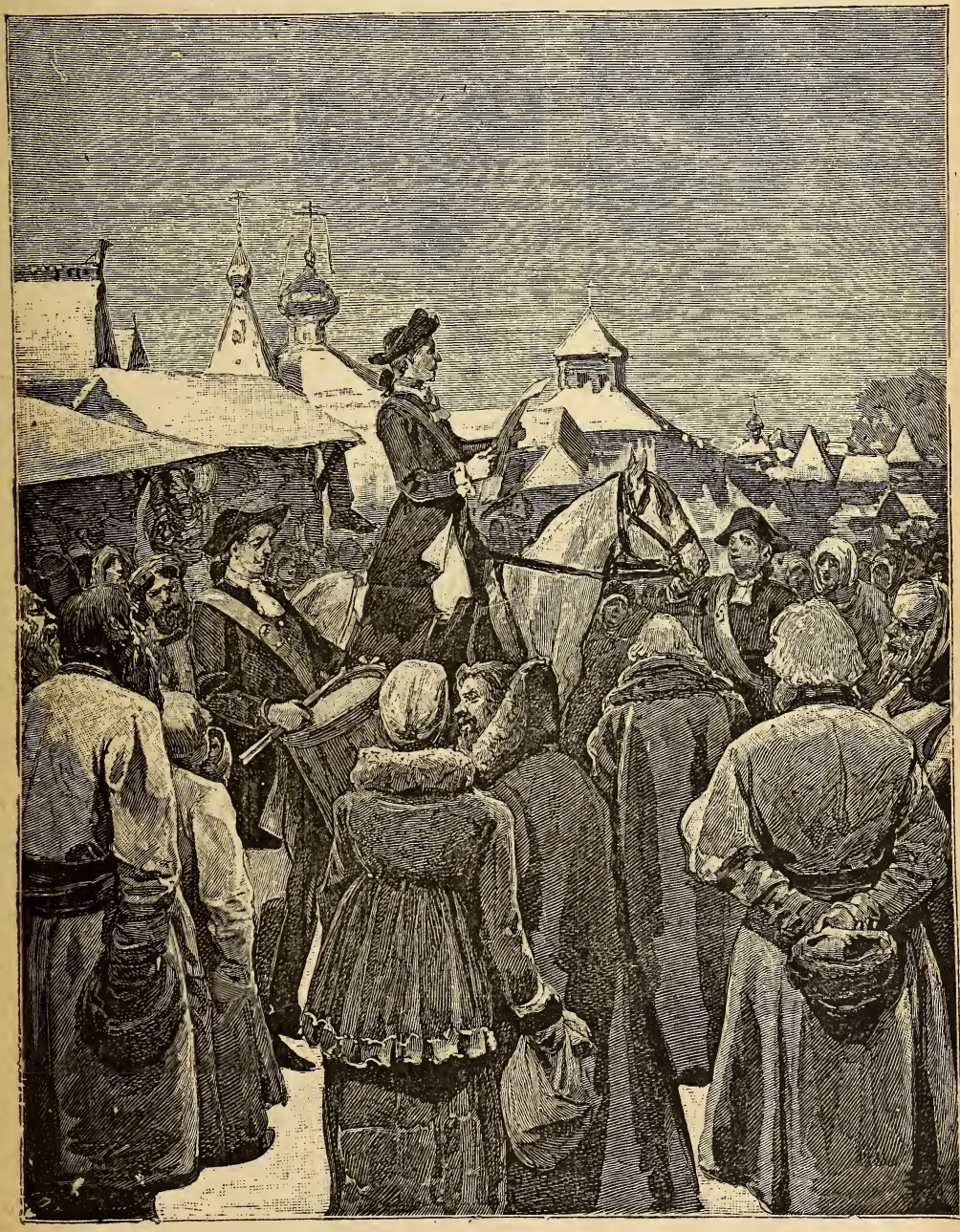
Бояре возвращаются отъ царя Петра остригшаго имъ бороды.

пиръ, гостей собралось множество всякаго чина и состоянія. Государь былъ веселъ, шутилъ, по старому обычаю раздавалъ яблоки и когда всѣ развеселились, царскій шутъ сталъ обрѣзывать бороды у тѣхъ, кто, по недогадливости или упорству, пріѣхалъ на праздникъ не обрившись. Послѣ того велѣно указомъ всѣмъ брить бороды, кромѣ духовенства и крестьянъ. Спустя нѣкоторое время, указано всѣмъ, кромѣ лицъ духовнаго званія и крестьянъ, носить одежду иноземнаго покроя, короткую, какую носилъ уже самъ царь.

Изъ всѣхъ старинныхъ обычаевъ ношеніе бороды считалось чуть ли не самымъ священнымъ. По мнѣнію патріарха Адріана, занимавшаго патріаршій престолъ въ началѣ царствованія Петра Великаго: «бритье бородъ уподобляетъ людей котомъ и псомъ»; онъ стращалъ нововводителей страшнымъ судомъ, гдѣ имъ придется стать съ грѣшниками ошуюю (т.-е. по лѣвую сторону).

Многіе, сбривъ бороду, вспомнили о смертномъ часѣ и, пребывая во мракѣ невѣжества, наказывали своимъ роднымъ положить ее, бороду, съ собою во гробъ, чтобы не предстать на страшный судъ въ блудоносномъ образѣ. Другіе невѣжественные люди спрашивали отцовъ духовныхъ, брить ли бороду или, для спасенія души, поплатиться головой? Одному изъ такихъ сомнѣвавшихся св. Димитрій ростовскій отвѣчалъ: «Коли сбрить бороду, то она еще можетъ отрасти, а если снять голову, такъ уже не отрастетъ».

Велѣно было одѣваться на иноземный ладъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ; долго послѣ того многія московскія барыни щеголяли въ нѣмецкихъ платьяхъ только на глазахъ у государя, а когда онъ уѣзжалъ изъ города, онѣ одѣвались по-старинѣ. Искони новолѣтіе считали на Руси 1 марта; потомъ, послѣ нашествія татаръ, стали года вести съ 1 сентября и такъ считали до Петра. Въ Европѣ счетъ былъ другой: тамъ новый годъ начинался 1 января. Петръ рѣшилъ сдѣлать такъ и на Руси, и въ 1699 году велѣлъ счетъ годовъ вести съ 1 января. Среди невѣжественныхъ людей поднялся новый ропотъ; говорили, что переносъ новолѣтія съ Семена на Василія есть затѣя



Объявленіе указа Петра Великаго считать «новый годъ» съ 1-го января.

еретическая. Противиться государевой волѣ не смѣли, и потому счетъ лѣтъ отъ 1 января такъ съ того времени и пошелъ, но многіе продолжали держаться у себя дома старины и секретно праздновали новолѣтіе 1 сентября.

Со времени великаго князя Ивана III (въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI), при дворѣ московскомъ стали заводиться торжественные обряды и порядки. Въ большіе праздники царь выходилъ въ праздничной одеждѣ, на которой было нанизано столько драгоцѣнныхъ каменьевъ, что государя вели подъ руки не для одной только торжественности. Бояре и другіе чиновные люди, являясь во дворецъ къ царю, кланялись въ землю, даже по нѣсколько разъ. Государь обѣдалъ одинъ, но, по обычаю, разсылалъ ближнимъ людямъ съ царскаго стола кушанья; на государевъ столъ и на подачи расходилось каждый день болѣе 3.000 блюдъ. Въ челобитныхъ (т.-е. прошеніяхъ) старинные люди величали царя до небесъ, а себя не въ мѣру унижали; звались людишками, подписывались Ваньками, Ѳедьками. На улицѣ люди падали передъ царемъ на колѣни; проходя мимо дворца, снимали шапки даже зимой. Добраться до царя за какой-нибудь надобностью было для простого человѣка дѣломъ, почти невозможнымъ.

Все это Петръ передѣлалъ. Онъ не терпѣлъ придворныхъ церемоній и торжественныхъ обрядовъ, не любилъ и рабскаго обращенія, а потому не велѣлъ бросаться передъ нимъ на колѣни, бить челомъ въ землю, снимать шапки передъ дворцомъ, писаться уменьшенными прозвищами (Ванька, Ѳедька). Петръ говорилъ, что желаетъ отъ людей меньше низости и больше усердія къ службѣ и вѣрности. Обѣдалъ онъ всегда въ компаніи запросто; парадные обѣды, гдѣ приходится съ разными церемоніями кушать одному, онъ ненавидѣлъ и говорилъ, что они выдуманы въ наказанье большимъ господамъ. Посылать съ царскаго стола подачи онъ не приказалъ, отмѣнилъ и обычай кормить во дворцѣ нищихъ. Доступъ къ царю сталъ свободнымъ; каждый, къ какому бы званію не принадлежалъ, могъ подать или прислать государю письмо о новыхъ улучшеніяхъ.

Такимъ образомъ, по мысли простого человѣка Курбатова, дворецкаго графа Шереметева, была введена гербовая бумага. Дворецкій Курбатовъ и крестьянинъ Посошковъ не разъ представляли государю свои предложенія по разнымъ дѣламъ.

Послѣ нашествія татаръ завелся на Руси обычай держать женъ и дочерей въ теремахъ, не пускать ихъ въ мужское общество, выдавать дѣвицъ замужъ и женить сыновей не по сердечной ихъ склонности, а по волѣ родителей. Такъ велось у бояръ, дворянъ и вообще у людей большихъ. Увидавъ, какое почетное мѣсто занимаютъ женщины въ европейскихъ семьяхъ и на какой свободѣ онѣ тамъ живутъ, государь рѣшилъ завести то же самое у себя. Для этого приказано, чтобы на свадьбахъ и общественныхъ увеселеніяхъ женщины находились вмѣстѣ съ мужчинами, а не особо; постановлено также, чтобы дѣвушки выходили замужъ по своей волѣ. До того времени женихъ и невѣста видѣлись первый разъ, когда ужъ дѣло было совсѣмъ слажено, иногда даже подъ вѣнцомъ. Случались при этомъ грубые обманы: хозяинъ высватывалъ свою дочь, а подъ вѣнецъ ставилъ дальнюю родственницу или даже служанку. Бывало и такъ, что на смотринахъ за невѣсту показывали какую-нибудь красивую дѣвушку, если дочь хозяйская непригожа, а подъ вѣнецъ ставили дочь. Петръ издалъ указъ, чтобы до вѣнчанія непремѣнно быть за шесть недѣль обрученію, и если женихъ или невѣста захотятъ до вѣнца намѣреніе свое перемѣнить, въ томъ быть свободѣ и ихъ отнюдь не смѣть неволить.

Общественной жизни на Руси не знали почти совсѣмъ; въ одно только мѣсто собирались всѣ знакомые и незнакомые, — въ церковь Божію. Надо было завести какое-нибудь мѣсто для общественныхъ мірскихъ собраній. Государь завелъ театръ. Театръ былъ и до Петра, но не для всѣхъ, а для государя и его двора. Петръ приказалъ построить въ Москвѣ театръ для всѣхъ и давать тамъ представленія мірского содержанія (до того времени были представленія только духовнаго содержанія). Сказано

было государево желаніе—не однимъ мужчинамъ ѣздить въ театръ, а также женамъ и дочерямъ, безъ фаты и покрывала. И эта новинка не понравилась невѣжественнымъ нашимъ предкамъ, которые стали говорить, что въ театръ ѣздить — бѣса тѣшить, а возить туда женщинъ и дѣвицъ, значитъ—всенародно ихъ позорить. Позаботился государь и о народномъ здравіи. Докторовъ до Петра было мало, аптекъ тоже. Еще при царѣ Михаилѣ завелась въ Москвѣ аптека, но купить тамъ лѣкарство можно было не иначе, какъ подавъ челобитную государю. При царѣ Алексѣѣ такой способъ покупки лѣкарства отмѣнили, но лѣкарства были дороги, и простой народъ покупалъ цѣлебныя травы и снадобья у «мужиковъ ходячихъ», или въ зеленныхъ лавкахъ. Петръ велѣлъ открыть въ Москвѣ 8 аптекъ, а зеленныя лавки закрыть, потому что оттуда продавались «непотребныя травы», отъ которыхъ люди умирали скорой смертью.

На Руси существовалъ нехристіанскій обычай — убивать младенцевъ, которые родились уродами. Государь приказалъ этого не дѣлать подъ страхомъ смертной казни, а про такихъ новорожденныхъ уродовъ велѣлъ объявлять. Тогда же приказано хоронить умершихъ не раньше трехъ дней послѣ смерти.

Табакъ русскіе люди знали давно, но противъ ѣабачниковъ постоянно возставали неразумные приверженцы старины. Еще передъ отъѣздомъ въ чужія земли Петръ позволилъ продажу табаку, а потомъ табачную торговлю отдалъ на откупъ. Среди невѣжественнаго народа пошелъ сильный ропотъ. Одинъ игуменъ объяснилъ, что куреніе табаку запрещено словомъ Божіимъ: «дымъ-де табачный выходитъ изо рта, а въ писаніи сказано: не то сквернитъ человѣка, что входитъ въ уста, а то, что выходитъ изъ устъ». Игуменъ не понималъ, что въ Писаніи говорится про дурныя слова, сквернящія человѣка.

Искони московскіе государи жаловали своихъ вѣрныхъ слугъ деньгами, помѣстьями, кубками, ковшами, шубами. Чтобы въ царскомъ пожалованіи было больше почета, чѣмъ

корысти, Петръ установилъ, по примѣру западно-европейскихъ странъ, орденъ, а именно: Андрея Первозваннаго, которымъ и жаловалъ самыхъ достойныхъ и высокихъ по заслугѣ людей.

Жители Москвы и другихъ русскихъ городовъ много терпѣли отъ разбойниковъ. Случалось, что разбойничали

Общественныя собранія при Петрѣ Великомъ.

по большимъ дорогамъ и сами помѣщики; иногда попадались въ разбойничьихъ шайкахъ даже монахи. Петръ энергично принялся за разбойниковъ и казнилъ ихъ безпощадно; особенно наводилъ на нихъ ужасъ князь-кесарь Ромодановскій, который вѣдалъ разбойныя дѣла.

Не меньше, чѣмъ отъ разбойниковъ, терпѣли русскіе люди отъ насилія и самовольства воеводъ. Чтобы избавить

посадскихъ, торговыхъ и промышленныхъ людей отъ насилій и самовольства воеводъ, государь позволилъ торговцамъ и промышленникамъ завѣдывать своими дѣлами чрезъ выборныхъ.

Для ограниченія власти и произвола воеводъ, Петръ постановилъ, чтобы въ городахъ всякія дѣла вмѣстѣ съ воеводами вѣдали дворяне-помѣщики,—одному воеводѣ, безъ дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указа по нимъ не читать. А чтобы меньше было въ государственныхъ — земскихъ и иныхъ дѣлахъ произвола и кривого толкованія законовъ, государь велѣлъ нѣсколькимъ сановникамъ составить новое уложеніе.

Наблюдая, что вслѣдствіе розни русскихъ торговыхъ людей, они обыкновенно отставали отъ иноземныхъ торговцевъ и всегда бывали отъ нихъ въ убыткѣ, Петръ приказалъ купцамъ вести торговлю компаніями, какъ въ чужихъ земляхъ ведется, и имѣть о томъ межъ собою съ общаго совѣта установленіе.

Заботясь о торговлѣ, государь подумалъ и о монетѣ.

На Руси денежный счетъ вели рублями, алтынами и деньгами, а были только серебряныя копейки и денежки, да и то, по малому ихъ числу, копейки пересѣкали надвое. Петръ ознакомился съ монетнымъ дѣломъ въ Англіи и устроилъ скоро и у себя правильную монетную систему.

По его указу появились разныя деньги—мѣдныя, серебряныя и золотыя; на золотыхъ выбивался портретъ государя; запрещено было разсѣкать копейки надвое. До того времени на московскомъ монетномъ дворѣ выбивали серебряной монеты на 500.000 рублей въ годъ и меньше, въ 1700 году выбили на 2 милліона, а въ 1702 году — на $4^1/_2$ милліона.

Чтобы пріѣхавшіе въ Россію свѣдущіе иноземцы вполнѣ охотно оставались въ ней жить, Петръ далъ имъ возможность усѣсться на Руси тверже прежняго, дозволилъ свободно отправлять имъ богослуженіе, разрѣшилъ посѣщать православныя церкви, строить свои и употреблять колокола.

Стараясь улучшить положеніе учителей, государь заботился и объ училищахъ. Въ Москвѣ находилось тогда одно на всю Россію (кромѣ Малороссіи) училище — Славяно-Греко-Латинская академія, да и то въ очень дурномъ состояніи. Петръ велѣлъ открыть школу математическую и навигацкую (мореплаванія) и поставилъ туда учителей изъ англичанъ; завелъ еще школу плѣнный пасторъ Глюкъ, который зналъ русскій языкъ. Стали печататься и продаваться книги для обученія. Чтобы русскіе могли знать обо всемъ, происходящемъ въ Московскомъ государствѣ и въ другихъ земляхъ, государь велѣлъ издавать въ Москвѣ «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти». Прежде такую вѣдомость составляли только для царя.

Стефанъ Яворскій.

Въ 1700 году умеръ патріархъ Адріанъ. Этотъ святитель, какъ и его предшественникъ Іоакимъ, стоялъ за старину, осуждалъ иноземныя затѣи государя и ни въ чемъ ему не пособлялъ. Послѣ смерти Адріана, Петръ рѣшилъ новаго патріарха до времени не ставить. Для улучшенія же церковнаго управленія государь постановилъ, чтобы Церковь вѣдала только свои церковныя дѣла; отъ нея были отобраны судныя розыскныя дѣла, которыя распредѣлили по гражданскимъ и судебнымъ мѣстамъ, гдѣ имъ быть и приличествовало. Затѣмъ церковными дѣлами было приказано править Стефану Яворскому, митрополиту рязанскому и муромскому, и ему же блюсти патріаршій престолъ.

Вслѣдъ за Стефаномъ Яворскимъ, другой ученый—малороссійскій монахъ Дмитрій — посвященъ въ митрополиты

ростовскіе, а третій, Филофей, сдѣланъ сибирскимъ митрополитомъ. Государь разсчитывалъ на этихъ просвѣщенныхъ и усердныхъ пастырей Церкви не напрасно: перемѣны начались сейчасъ же. Св. Дмитрій ростовскій ополчился божественнымъ словомъ и проповѣдью противъ суевѣрій, предразсудковъ и невѣжества, завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, самъ училъ, самъ за всѣмъ смотрѣлъ; Филофей открылъ училища въ Сибири; Стефанъ взялся за устроеніе московской академіи.

Наблюдая, что многіе монахи принимаютъ постриженіе не ради спасенія души, а чтобы уйти отъ тяжелой мірской жизни, въ спокойствіи ѣсть даромъ хлѣбъ да бражничать, Петръ указалъ переписать всѣ монастыри, монаховъ и монахинь; мірянъ, жившихъ по монастырямъ, приказано вывесть вонъ; ни въ монахи, ни въ монахини не постригать вновь никого безъ царскаго указа; въ кельяхъ ничего не писать, а только въ трапезѣ, по преданію древнихъ отецъ, ибо въ келейныхъ писаніяхъ монаховъ и монахинь пущены въ народъ на государя многія хулы. Монахамъ и монахинямъ давать въ годъ по 10 рублей и 10 четвертей хлѣба на каждаго, а вотчинами (т.-е. земельною собственностью) и угодьями имъ не владѣть, не ради разоренія монастырей, а для исполненія монашескаго обѣта. Что останется отъ монастырскихъ доходовъ, то отдавать въ бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ, и на пропитаніе нищихъ въ богадѣльняхъ, которыя приказано устроить. Бродягъ и нищихъ приказано ловить; строго запрещено было дѣлать имъ подаянія, а сказано, что лучше подавать въ богадѣльни, гдѣ призрѣваются нищіе неложные.

Первая жена великаго преобразователя Россіи, Евдокія, ничего не понимала въ великихъ замыслахъ и въ благихъ начинаніяхъ мужа, слѣпо почитала и любила старину, а иноземцевъ ненавидѣла, вслѣдствіе чего Петру скоро стало съ ней скучно, и онъ рѣшился разойтись съ нею. Евдокія была отвезена въ суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь и тамъ была пострижена подъ именемъ Елены.

IX.

Мысль овладѣть хотя бы одною гаванью на Балтійскомъ морѣ уже давно и крѣпко засѣла въ головѣ великаго преобразователя Россіи. Петръ хорошо понималъ, что, имѣя доступъ къ Балтійскому морю и выстроивъ тамъ военный и торговый флотъ, можно было всегда свободно сноситься со всѣми европейскими государствами. Но всѣмъ побережьемъ Балтійскаго моря, лежавшимъ по сосѣдству съ Россіей, владѣла въ тѣ времена Швеція, а потому для пріобрѣтенія желанной гавани русскимъ пришлось вступить въ борьбу со шведами.

Швеція въ это время была могущественнымъ государствомъ,. шведское войско считалось лучшимъ во всей Европѣ, и потому молодой Россіи нечего было и думать начинать войну безъ союзниковъ. Но союзники нашлись легко. Шведы завоевали много земель у Даніи и Польши, а потому, когда Петръ предложилъ датскому и польскому королямъ соединиться противъ Швеціи, тѣ съ радостью согласились заключить союзъ.

Шведскимъ королемъ былъ тогда Карлъ XII, совсѣмъ еще юноша (ему было только восемнадцать лѣтъ). Отличаясь правдивостью и честностью, онъ былъ въ то же время человѣкъ самонадѣянный, самовластный и очень упрямый; мало чему учился, больше всего на свѣтѣ любилъ войну. Страха смерти не зналъ и опасностей не только не боялся, а даже искалъ ихъ.

Первыя непріязненныя дѣйствія противъ Швеціи начались со стороны Даніи. Датскія войска выгнали голштинскаго герцога изъ его владѣній и овладѣли Голштиніей. Этотъ герцогъ, женатый на сестрѣ молодого шведскаго короля Карла XII, бѣжалъ въ Стокгольмъ. Вслѣдъ затѣмъ, Августъ двинулся въ Ливонію и осадилъ городъ Ригу, но не могъ взять его вслѣдствіе малочисленности осадныхъ орудій.

Августъ отправилъ посла к ь Петру требовать, чтобы тотъ, согласно условіямъ союзнаго договора, началъ войну со шведами.

Какъ только 18 августа 1700 года получено было извѣстіе о заключеніи мира съ Турціей, на другой же день была объявлена война Швеціи.

Въ виду опасности, угрожавшей Швеціи со стороны датчанъ и поляковъ, молодой шведскій король быстро собралъ 15.000 войска и высадился съ ними подъ Копенгагеномъ, главнымъ городомъ Даніи. Датскій король Фридрихъ IV не имѣлъ силъ защищаться, и въ загородномъ замкѣ Травендалѣ, 8 августа 1700 года, подписалъ миръ; главнымъ условіемъ этого мира было то, что датскій король обязался признать зятя шведскаго короля, герцога голштинскаго, самостоятельнымъ герцогомъ Голштиніи и, сверхъ того, заплатить послѣднему значительную сумму денегъ.

Расправившись съ Даніею, Карлъ XII собирался расправиться съ другимъ своимъ врагомъ—Августомъ, когда вдругъ послѣдовало объявленіе войны отъ Россіи. Карлъ обратился противъ русскихъ.

По объявленіи войны, Петръ двинулъ свое войско къ Нарвѣ, которою ему хотѣлось прежде всего завладѣть, чтобы имѣть городъ на берегу Балтійскаго моря. Нарва была осаждена значительнымъ русскимъ войскомъ (отъ 35.000 до 40.000 человѣкъ). Но Петръ началъ кампанію подъ осень: погода мѣшала передвиженію войскъ; бездорожье оставляло войско безъ хлѣба и другихъ припасовъ. Недостатки военнаго устройства давали себя знать: хотя войска, стоявшія подъ Нарвой, были регулярныя, новаго строя, но самъ Петръ сознавался, что они были «необучены», т.-е. плохи. Кромѣ того, офицерами въ большинствѣ были иностранцы, нелюбимые солдатами, плохо знавшіе русскій языкъ, а надъ всей арміей не было одной власти. Петръ поручилъ команду русскому генералу Головину и рекомендованному нѣмцами французу, герцогу де-Круи. И самъ Петръ не отказывался отъ распоряженій военными дѣйствіями. Было, такимъ образомъ, многоначаліе (т.-е. много начальниковъ). При всѣхъ этихъ условіяхъ среди русскихъ войскъ естественно возникала боязнь столкновенія съ арміей Карла, покрытою славою недавнихъ побѣдъ въ Даніи.

Русскіе подъ Нарвою узнали о приближеніи шведовъ уже тогда, когда Карлъ былъ всего въ 20—25 верстахъ отъ Нарвы. Петръ немедленно уѣхалъ изъ войска, оставивъ команду де-Круи. Зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можемъ объяснить его отъѣздъ малодушіемъ; вѣрнѣе думать, что Петръ, считая дѣло подъ Нарвою проиграннымъ, уѣхалъ готовить государство къ оборонѣ отъ шведскаго нашествія. 20 ноября 1700 года Карлъ, дѣйствительно, разбилъ русскую армію, отнялъ артиллерію и захватилъ въ плѣнъ генераловъ. Русскіе гибли тогда не только отъ непріятельскаго оружія, но еще и отъ голода и холода. Изъ числа бѣжавшихъ съ поля битвы до 6000 погибло на пути къ Новгороду. Петръ спѣшилъ укрѣпить Новгородъ и Псковъ, поручилъ Репнину собрать остатки возвратившейся разбитой арміи и ждалъ Карла на границахъ Московскаго государства.

Но Карлъ не понялъ Петра: послѣ Нарвскаго пораженія онъ сталъ считать русскаго царя слабымъ врагомъ, а русскихъ — достойными одного презрѣнія, судя о нихъ по нарвскимъ бѣглецамъ; а потому онъ рѣшилъ Россію оставить на время въ покоѣ, а начать военныя дѣйствія противъ польскаго короля Августа, котораго онъ считалъ теперь своимъ главнымъ врагомъ.

Петръ, получивъ извѣстіе о пораженіи, не упалъ духомъ.

— Господа шведы, — говорилъ царь послѣ нарвскаго пораженія, — можетъ-быть, и еще разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся и побѣждать ихъ.

Русскій царь приписывалъ несчастіе недостатку обученія и порядка въ войскѣ и съ великою энергіей принялся за мѣры улучшеній. Въ ожиданіи нападенія непріятеля, въ близкихъ къ границѣ городахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ и въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, Петръ приказалъ наскоро дѣлать укрѣпленія, насыпать окопы, копать рвы, ставить палисады и высылалъ на работу не только солдатъ и жителей мужского пола, не исключая священниковъ и причетниковъ, но даже женщинъ. Приказано государемъ къ веснѣ набрать 10 новыхъ драгунскихъ полковъ изъ добровольцевъ; весною полки были готовы.

Думному дьяку Виніусу велѣно приготовить новыя орудія и при этомъ отбирать у церквей и монастырей часть колоколовъ на пушечное литье. Обычная русская лѣнь много мѣшала скорому производству работы, но Петръ строго наказывалъ всякое неповиновеніе и уклоненіе отъ его воли: приказывалъ бить кнутомъ за неявку на работы, вѣшать взяточниковъ и грозилъ смертью бурмистрамъ за медленное исполненіе требованій Виніуса — надзирателя артиллеріи. Благодаря такимъ мѣрамъ, въ теченіе года послѣ Нарвской битвы, царь имѣлъ уже болѣе трехсотъ новыхъ приготовленныхъ орудій.

Послѣ Нарвскаго пораженія Карлъ XII распредѣлилъ свои войска въ Ливоніи и готовился нападать весною не на Россію, а на Польшу, съ цѣлію низложить короля Августа. Въ февралѣ 1701 года былъ заключенъ договоръ, по которому Петръ обязался помогать Августу войсками и отдавалъ ему въ случаѣ успѣха Эстляндію и Лифляндію, но оставлялъ себѣ свободу дѣйствій въ Ингріи и Кореліи (часть нынѣшнихъ губерній: Петербургской и Выборгской), и въ завоеваніи этихъ областей полагалъ свою конечную цѣль. Лѣтомъ 1701 года начались военныя дѣйствія у Финскаго залива и въ Польшѣ.

Постоявши зиму и весну въ Ливоніи, Карлъ XII нанесъ пораженіе саксонскимъ войскамъ; зато подъ Архангельскомъ были отбиты семь шведскихъ кораблей, и два изъ нихъ попали въ руки русскихъ; Петръ очень обрадовался этой побѣдѣ. Между тѣмъ, шведскій король вступилъ въ Курляндію, расположилъ тамъ свои войска и прозимовалъ въ этой странѣ на счетъ ея жителей, а весною готовился итти въ Польшу, чтобы низвергнуть короля Августа съ престола.

Пользуясь тѣмъ, что шведскій король былъ занятъ дѣлами въ Польшѣ, Петръ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ шведами. Карлъ XII, самъ того не замѣчая, помогалъ Петру въ предпріятіи пріобрѣсти часть береговъ Балтійскаго моря: съ лучшими своими силами онъ пошелъ на Августа, а для дѣйствій противъ русскихъ оставилъ плохихъ генераловъ и — незначительныя военныя силы, съ которыми русскимъ

легко было бороться. По этому поводу разсказываютъ, что графъ Дальбергъ, напрасно старавшійся удержать Карла въ Ливоніи, будто бы замѣтилъ:

— Кажется, нашъ король нарочно оставилъ насъ здѣсь съ малыми силами, чтобы научить русскихъ бить насъ.

Русское войско подъ предводительствомъ Шереметева въ 1701 году вступило въ Ливонію и пребывало въ ней въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Въ декабрѣ 1701 года Шереметевъ разбилъ при мызѣ Эрестферѣ шведскаго генерала Шлиппенбаха. Это была первая большая побѣда: 3.000 шведовъ полегло и 350 было взято въ плѣнъ.

Велика была радость царя и всей Россіи при извѣстіи объ эрестферской побѣдѣ. Русскіе показали, что они могутъ не только сражаться со шведами, но и побѣждать ихъ. Позоръ нарвскаго пораженія былъ смытъ подъ Эрестферомъ непріятельской кровью.

Эрестферская побѣда вызвала восторгъ и торжество въ Москвѣ и разогнала то уныніе, которое возбудила въ умахъ русскихъ Нарвская битва. Цѣлый день раздавался въ Москвѣ колокольный звонъ, палили пушки, на кремлевскихъ стѣнахъ развѣвались отнятыя въ бою шведскія знамена. Государь произвелъ Шереметева въ фельдмаршалы, пожаловалъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Въ іюлѣ слѣдующаго 1702 года Шереметевъ разбилъ въ другой разъ того же Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ. Въ этой битвѣ первоначально успѣхъ былъ на сторонѣ шведовъ которые успѣли даже отнять у русской кавалеріи 5 орудій, но, съ выступленіемъ главныхъ силъ пѣхоты, перевѣсъ перешелъ на сторону русскихъ, и почти весь шведскій отрядъ былъ уничтоженъ. Перебито, переранено и забрано въ плѣнъ было 6.000 шведовъ, вся артиллерія у нихъ отнята. Послѣ битвы при Гуммельсгофѣ уже вся Лифляндія, окончательно оставленная шведами, перешла во власть русскихъ отрядовъ, которые опустошили ее ужаснѣйшимъ образомъ, чтобы непріятелю нигдѣ не было пристанища.

X.

При истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера въ древнія времена стояла новгородская крѣпость Орѣшекъ. Въ смутное время (т.-е. въ началѣ XVII вѣка) ею овладѣли шведы и назвали Нотебургомъ. Вотъ противъ этой-то крѣпости и повелъ Петръ прежде всего свои войска, туда же велѣлъ итти и Шереметеву съ войскомъ. Крѣпость была сильно вооружена: въ ней находилось 142 орудія.

Въ сентябрѣ 1702 года русская армія, состоявшая изъ войскъ Репнина и Шереметева, достигла Нотебурга и обложила его съ обоихъ береговъ Невы. Петръ велѣлъ прорубить просѣку въ лѣсу отъ Ладожскаго озера версты въ три; надъ просѣкою трудился и самъ царь, какъ простой работникъ. Когда она была готова, по ней перетащили 50 лодокъ, построенныхъ заранѣе на рѣкѣ Свири. Въ однѣ сутки дѣло было сдѣлано, и удивленные шведы увидѣли 50 лодокъ ниже своей крѣпости. Началась осада; Петръ въ чинѣ бомбардирскаго капитана, распоряжался одной батареей. Отъ русскихъ бомбъ и каленыхъ ядеръ крѣпость сильно терпѣла, однако, держалась: комендантъ былъ неустрашимый и непоколебимый человѣкъ. Крѣпость пришлось брать приступомъ.

Тринадцать часовъ продолжался жестокій бой; наконецъ, Нотебургъ сдался. Государь прибилъ къ одной башнѣ ключъ отъ крѣпостныхъ воротъ и назвалъ эту крѣпость Шлиссельбургомъ (ключъ города), потому что она была на самомъ дѣлѣ какъ бы ключомъ къ морю, которое начиналось всего въ 60 верстахъ оттуда. Петръ былъ очень доволенъ успѣхомъ и написалъ собственноручныя письма къ близкимъ людямъ въ Москву, въ Азовъ, даже въ Сибирь. Поздравляя съ побѣдой, онъ писалъ: «Зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ».

Слѣдующей весной государь пошелъ съ войскомъ внизъ по Невѣ, направляясь къ морю. Недалеко отъ устья Невы, тамъ, гдѣ теперь расположенъ одинъ изъ пригородовъ Пе-

Взятіе Нотебурга.

тербурга — Охта, стоялъ небольшой шведскій городъ Ніеншанцъ или Капцы. Русскіе осадили его и скоро взяли. Крѣпость сдалась 1 мая, а на другой день къ вечеру пришла отъ сторожей вѣсть, что приплыли къ устью Невы непріятельскіе корабли. На корабляхъ ничего не знали про взятіе Ніеншанца и оповѣстили о своемъ прибытіи двумя выстрѣлами. Шереметевъ велѣлъ сдѣлать въ отвѣтъ тоже два выстрѣла, какъ будто стрѣляютъ шведы изъ крѣпости. Дня черезъ три изъ числа прибывшихъ кораблей два пошли вечеромъ къ Невѣ, но за темнотой и ненастьемъ остановились на якорѣ недалеко отъ устья. Государь рѣшилъ взять эти суда и велѣлъ поставить скрытно, въ одномъ невскомъ протокѣ, 30 лодокъ съ гвардейцами. На разсвѣтѣ 7 мая половина лодокъ, подъ начальствомъ Петра, поплыла къ шведскимъ судамъ снизу, а другая половина, подъ начальствомъ Меншикова, спустилась на нихъ по теченію. Шведы были захвачены врасплохъ; Петръ и Меншиковъ быстро подплыли и окружили ихъ. Государь вскочилъ первымъ на одинъ изъ кораблей. Шведы оборонялись храбро, но, когда закричали пардонъ (т.-е. стали просить о пощадѣ), было ужъ поздно: солдаты разсвирѣпѣли и перекололи многихъ. Радость Петра была неописанная,—одержана первая морская побѣда. Петръ и Меншиковъ пожалованы орденомъ св. Андрея Первозваннаго, офицерамъ и солдатамъ розданы золотыя медали.

Петръ добрался, наконецъ, до моря, до того самаго моря и тѣмъ самымъ путемъ, которымъ Рюрикъ пришелъ на княженіе почти за $8\frac{1}{2}$ вѣковъ до основанія Петербурга. Петръ жадно смотрѣлъ на это давно желанное море (Балтійское), и въ его головѣ складывался великій замыселъ.

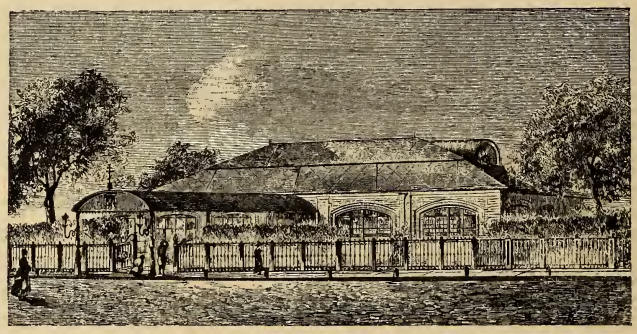
Мѣсто, на которомъ стоитъ теперь С.-Петербургъ, находилось въ Ижорской землѣ, которая искони принадлежала Великому Новгороду. Въ началѣ XVII вѣка эта земля отошла къ Швеціи. Хотя Ижорская земля была населена финскимъ племенемъ, но русское владычество оставило на ней такой слѣдъ, что шведы не успѣли его стереть въ продолженіе 80 слишкомъ лѣтъ. По рѣкѣ Невѣ, противъ швед-

скаго городка Ніеншанца, лежало село Спасское, съ православною церковью; внизъ по рѣкѣ и ея притокамъ было раскинуто до 30 деревень, мызъ и корчемъ; но тѣ мѣста, гдѣ нынѣ лучшія части города, лежали совсѣмъ пустыми. На невскомъ прибрежьи и дальше — кругомъ росъ лѣсъ, больше мелкій; всюду тянулись поросшія кустарникомъ кочковатыя болота и топи. Жители невскіе промышляли больше рыболовствомъ, но воздѣлывали также и землю, гдѣ

Видъ мѣстности, гдѣ основанъ Петербургъ.

посуше, и сѣяли хлѣбъ. Наводненія бывали большія. Страна была нездоровая, погода перемѣнчивая. Полагая, что близость моря, черезъ которое можно попасть въ любое европейское государство, а также широкая и глубокая рѣка Нева представляютъ благопріятныя условія для развитія внѣшней торговли, Петръ рѣшилъ не обращать вниманія на нездоровый климатъ, имѣя въ виду обогащеніе русскаго народа путемъ развитія торговли и промышленности. Великій преобразователь Россіи полагалъ, что сближеніе съ другими европейскими народами должно было пробудить богатырскія силы горячо любимой имъ родины.

Петръ объѣздилъ всѣ острова, образуемые Невой при ея впаденіи въ Финскій заливъ, и больше всего понравился ему одинъ небольшой островокъ, называвшійся по-фински Енни-Саари, то-есть Заячій островъ. Всѣ находившіяся поблизости войска, всѣ приближенные царскіе собрались на этотъ островъ, и въ день Св. Троицы, 16 мая 1703 года, Петръ, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, заложилъ на немъ крѣпость. Крѣпость названа была Санктъ-Петербургомъ (по-русски: городъ св. Петра), и царь отпраздновалъ это радостное для него событіе устройствомъ большого пира не только для своихъ приближенныхъ, но и для всего войска.

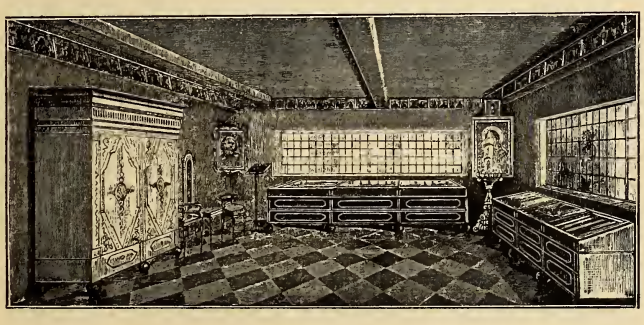


Домикъ Петра Великаго въ Петербургѣ.

Чтобы постройка крѣпости и церкви во имя свв. апостоловъ Петра и Павла производилась скорѣе, было указано прислать 2.000 воровъ, приговоренныхъ на каторгу. Въ октябрѣ работало уже 20.000 человѣкъ. Благодаря энергіи, настойчивости и трудолюбію государя, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ основанія Петербурга, ближайшіе къ крѣпости острова и противоположный лѣвый берегъ Невы были расчищены отъ лѣса и застраивались съ сказочной быстротой. Царь самъ чертилъ планъ города и указывалъ, кому, гдѣ и какъ строиться.

Одинъ изъ царскихъ указовъ вызываетъ въ Петербургъ тысячи каменщиковъ, плотниковъ, землекоповъ и другихъ мастеровъ и рабочихъ. Другой указъ требуетъ устройства вблизи Петербурга лѣсопильныхъ и кирпичныхъ заводовъ;

третій повелѣваетъ всѣмъ знатнымъ и богатымъ людямъ строить дома въ новомъ городѣ; четвертый разрѣшаетъ на извѣстное время постройку каменныхъ зданій лишь на однихъ берегахъ Невы, запрещая это во всемъ остальномъ государствѣ. Желая угодить царю, — всѣ, кто только могъ, просили у него мѣста подъ постройку себѣ домовъ въ Петербургѣ, и царь съ радостью давалъ даромъ землю и нерѣдко самъ производилъ закладку. Приказывая своимъ приближеннымъ строить дома, державный основатель Петербурга прежде всего выстроилъ себѣ домикъ, по образцу саардамскихъ, въ двѣ небольшія комнаты, съ сѣнями посрединѣ. Домикъ этотъ цѣлъ понынѣ и хранится, какъ свя-



Внутренній видъ домика Петра Великаго въ Петербургѣ.

тыня. Въ томъ покоѣ, что служилъ Петру столовой и опочивальней, стоитъ теперь икона Спасителя, которую Петръ бралъ съ собою во многіе походы. Саженяхъ въ 20 былъ построенъ домъ Меншикова, дальше тянулись мазанки рабочихъ и солдатъ.

Черезъ полгода послѣ основанія Петербурга въ немъ торжественно праздновали одно радостное событіе — прибытіе перваго корабля. Это былъ голландскій корабль, нагруженный виномъ и солью и зашедшій въ Неву совершенно случайно, такъ какъ его капитанъ не зналъ еще о существованіи Петербурга. Самъ царь въ это время былъ въ Москвѣ, но его любимецъ, князь Меншиковъ, назначенный имъ петербургскимъ губернаторомъ, понималъ, какъ важно пріохотить иностранцевъ приходить на своихъ корабляхъ въ

новую гавань, и устроилъ первымъ иностраннымъ гостямъ Петербурга торжественную встрѣчу. Онъ купилъ у голландцевъ всѣ ихъ товары, пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать, на славу угостилъ и подарилъ имъ въ награду за приходъ 500 золотыхъ. Меншиковъ отъ царскаго имени обѣщалъ затѣмъ 300 золотыхъ слѣдующему кораблю, который придетъ въ Петербургъ, и 150 — третьему.

Вѣсть объ основаніи новаго русскаго приморскаго города и о ласковомъ пріемѣ, оказываемомъ тамъ иностранцамъ, быстро распространилась по всей Европѣ, и скоро десятки кораблей, нагруженныхъ разными товарами, поплыли къ Петербургу. Каждый корабль встрѣчалъ очень дружелюбный пріемъ, всѣ товары раскупались быстро и по выгодной для иностранныхъ купцовъ цѣнѣ.

Одинъ разъ, когда Петръ былъ въ своемъ новомъ городѣ, ему доложили, что въ устьѣ Невы показался купеческій корабль. Царь сейчасъ же переодѣлся въ платье простого лоцмана и поѣхалъ на корабль, оказавшійся англійскимъ. Петръ, выдавъ себя за лоцмана, всталъ у руля и провелъ корабль до пристани.

Капитанъ хотѣлъ заплатить лоцману за услуги, но тотъ отказался отъ всякой платы и согласился только взять въ видѣ подарка кусокъ матеріи. На слѣдующій день англичанина позвали къ царю. Морякъ отправился во дворецъ, и каково было его удивленіе, когда въ русскомъ царѣ, слава котораго уже давно гремѣла по всему свѣту, онъ узналъ своего вчерашняго лоцмана. Петръ ласково обошелся съ моряком, позвалъ къ себѣ обѣдать и купилъ всѣ его товары.

Заботясь объ увеличеніи и украшеніи Петербурга, Петръ не менѣе заботился и объ укрѣпленіи его. Онъ самъ чертилъ планъ новой крѣпости, по его повелѣнію Меншиковъ воздвигаетъ на островѣ Котлинѣ, мимо котораго долженъ пройти каждый направляющійся къ Петербургу корабль, крѣпость Кронштадтскую; эта крѣпость вмѣстѣ съ своими фортами считается теперь одной изъ лучшихъ во всемъ свѣтѣ.

Петръ Великій угощаетъ капитана англійскаго судна, пришедшаго съ товарами въ Петербургъ.

Чтобы выставить противъ шведскаго флота, постоянно угрожавшаго Петербургу со стороны устья Невы, свой русскій флотъ, Петръ рѣшилъ близъ Петербурга построить корабельную верфь. Близъ Ладожскаго озера, откуда беретъ начало рѣка Нева, на берегу впадающей въ это озеро глубокой рѣки Свири, царь выбираетъ мѣсто, называемое Лодейнымъ полемъ, и закладываетъ тутъ корабельную верфь. Закипѣла работа на Лодейномъ полѣ. Съ Петровской быстротой строятся тамъ военные корабли, которые затѣмъ — по Свири, Ладожскому озеру и Невѣ — спускаются къ Петербургу.

Между тѣмъ, война со Швеціей продолжалась своимъ чередомъ. Въ 1704 году были взяты у шведовъ города Юрьевъ, Нарва и Иванъ-Городъ. Въ 1705 году Петръ самъ выступилъ противъ шведскаго полководца Левенгаупта, но этотъ послѣдній успѣлъ укрыться въ Ригѣ. Петръ не рѣшился приступить къ осадѣ этой сильной крѣпости и обратился къ Митавѣ, замокъ которой послѣ кратковременной осады сдался, а черезъ 10 дней сдалась и крѣпость Баускъ. Такимъ образомъ, осенью 1705 года вся Курляндія была завоевана.

Между тѣмъ, Карлъ XII перешелъ черезъ Вислу, Бугъ и Нѣманъ и въ январѣ 1706 года явился передъ Гродно. На случай вторженія шведской арміи въ русскіе предѣлы были усилены укрѣпленія Пскова и Смоленска, а для прикрытія отъ набѣговъ, начиная отъ Смоленска и до Брянска, была устроена укрѣпленная линія, защита которой поручалась крестьянамъ, вооруженнымъ косами и рогатинами.

Послѣ того, какъ польскій король Августъ заключилъ миръ съ Карломъ XII и отказался отъ союза съ Петромъ, у шведскаго короля остался лишь одинъ противникъ — русскій царь.

Петръ сознавалъ, что наступаетъ время рѣшительной борьбы съ Карломъ. На военномъ совѣтѣ рѣшено было не принимать боя въ предѣлахъ Польши, а отступать къ своимъ рубежамъ; рѣшено было также опустошать и разорять всю страну, по которой пойдетъ шведская армія, чтобы

этимъ лишить ее средства продовольствія, изнурить и ослабить ея силы, не подвергая себя опасностямъ рѣшительнаго сраженія.

Наступилъ 1707 годъ, тяжелый годъ для Петра и Россіи. Государь приказалъ, чтобы хлѣбъ, сѣно и всякіе харчевые людскіе и конскіе запасы обыватели прятали весной подъ землей или по лѣснымъ трущобамъ. Войско было пополнено, между прочимъ, дьяками, подьячими и церковниками, которые гуляли безъ дѣла; въ немъ числилось 90.000 человѣкъ. Но многіе новые полки шли на войну недостаточно обученными. Офицеровъ не хватало, и большая ихъ часть были плохи, хотя лучше прежнихъ, такъ какъ Петръ сталъ брать иноземцевъ съ большимъ разборомъ.

Въ августѣ 1707 года Карлъ XII предпринялъ походъ на Россію, съ 4.500 войска, не считая тѣхъ 30.000, которые воевали въ Лифляндіи и Финляндіи. Направляясь къ русскимъ рубежамъ, шведскій король угрожалъ Россіи, что возьметъ Москву и свергнетъ Петра съ престола.

Положеніе русскихъ становилось все болѣе затруднительнымъ, такъ какъ они не знали, по какому пути пойдетъ Карлъ: на сѣверъ или на югъ, въ Смоленскъ или въ Украйну. Карлъ прибылъ въ Могилевъ и простоялъ тамъ около мѣсяца, дожидаясь шведскаго генерала Левенгаупта, который шелъ изъ Лифляндіи съ войскомъ въ 16.000 человѣкъ. Не дождавшись Левенгаупта, Карлъ въ сентябрѣ направился въ Украйну. Русскіе не преслѣдовали его и обратили всѣ силы на Левенгаупта.

28 сентября 1708 года, при деревнѣ Лѣсной, русское войско, подъ предводительствомъ Меншикова, въ присутствіи царя, ночью вступило въ битву со шведами. Левенгауптъ былъ разбитъ наголову и успѣлъ привести къ королю только 6.700 человѣкъ, и то безъ всякихъ запасовъ. Потеря, которую потерпѣли шведы въ битвѣ у деревни Лѣсной, была особенно чувствительна для Карла XII; войско шведскаго короля, углубившись въ Украйну, имѣло при себѣ лишь самое незначительное количество боевыхъ и другихъ запасовъ. Для молодой русской арміи эта побѣда

у деревни Лѣсной имѣла то значеніе, что русскіе тутъ впервые напали на шведовъ, уступая имъ въ числѣ. Петръ называлъ эту побѣду надъ шведами «первой солдатской пробой»; всѣмъ, кто участвовалъ въ ней, онъ роздалъ медали съ надписью: «достойному достойное».

Радость русскаго царя была непродолжительна: Карлъ шелъ въ Украйну, надѣясь на помощь малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы, вступившаго въ тайный договоръ съ шведскимъ королемъ. Ни Петръ ни его сановники никакъ не ожидали измѣны гетмана, который былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ людей у русскаго государя. Петръ цѣнилъ умъ Мазепы и его образованность и надѣлялъ его богатствами и отличіями. Послѣ того, какъ польскій король Августъ лишился короны, Петру приходилось теперь одному, безъ союзниковъ, бороться съ побѣдоноснымъ соперникомъ; поэтому Мазепа и полагалъ, что въ предстоявшей рѣшительной борьбѣ русскихъ со шведами побѣда останется за шведскимъ королемъ, и если Малороссія будетъ упорно стоять за Россію, то Карлъ отниметъ ее у Россіи и отдастъ Польшѣ. Мазепѣ казалось благоразумнымъ заранѣе стать на сторону Карла, чтобы, послѣ побѣды надъ Петромъ, Малороссія была признана самостоятельнымъ государствомъ.

Приступая къ осадѣ Полтавы, Карлъ надѣялся, что эта осада, наконецъ, заставитъ русскую армію вступить съ нимъ въ рѣшительный бой; въ успѣхѣ же этого боя онъ не сомнѣвался.

Полтава лежитъ на правомъ берегу рѣки Ворсклы, на возвышенности, окруженной болотистою равниною со многими ручьями. Незадолго до осады — Петръ, изъ предосторожности, приказалъ исправить вокругъ нея прежнія укрѣпленія и выстроить нѣкоторыя новыя. Съ хорошимъ запасомъ боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, охраняемая 4-тысячнымъ гарнизономъ и 2.000 вооруженныхъ гражданъ, Полтава представляла самый сильный укрѣпленный пунктъ Малороссіи.

Въ апрѣлѣ 1709 года Карлъ обложилъ Полтаву. Начались осадныя работы съ цѣлью подойти ближе къ крѣ-

пости; но осажденные постоянными вылазками мѣшали производить осадныя работы. Между тѣмъ, Меншиковъ расположился съ войскомъ противъ Полтавы и постоянно тревожилъ шведовъ отрядами легкой конницы, поддерживая этимъ мужество гарнизона. Меншиковъ успѣлъ даже усилить гарнизонъ новыми подкрѣпленіями; онъ приказалъ генералу Беллингу съ значительнымъ отрядомъ устремиться на Опошню, гдѣ находился непріятельскій обозъ, чтобы отвлечь туда вниманіе Карла; въ то же время Меншиковымъ было сдѣлано нападеніе на шведскій лагерь подъ Полтавой; пользуясь происшедшимъ у непріятеля смятеніемъ, 900 солдатъ, одѣтыхъ въ шведскіе мундиры, подъ предводительствомъ Головина, безпрепятственно вошли въ городъ. Узнавъ о такомъ хитро придуманномъ и искусно исполненномъ подкрѣпленіи полтавскаго гарнизона, Карлъ сказалъ:

Меншиковъ.

— Я вижу, что мы научили москвичей воевать.

Однако, Карлу удалось все-таки совершенно окружить «ничтожный городишко», какъ называлъ Полтаву Левенгауптъ.

Время, выбранное для рѣшительной битвы со шведами, было весьма благопріятно для русскихъ. Утомленные продолжительною войною и трудными переходами, шведы мечтали о возвращеніи на родину. Духъ дисциплины въ шведской арміи ослабѣлъ,— вмѣсто того, чтобы безпрекословно повиноваться приказаніямъ своихъ начальниковъ, солдаты стали разсуждать о томъ, что трудно и что легко исполнить.

Хотя шведскій король Карлъ XII отличался, какъ и прежде, своею отвагою и неустрашимостью, спокойно бросался подъ пули и ядра, но его солдаты по-своему объясняли такую отвагу, говоря, что ихъ король, предчувствуя дурной исходъ войны, намѣренно ищетъ смерти. Не то замѣчалось въ русской арміи, которая, пройдя десятилѣтнюю боевую школу подъ руководствомъ Петра, успѣла развить въ себѣ духъ дисциплины и неустрашимости.

Ко дню Полтавскаго боя шведская армія состояла изъ 27.000 человѣкъ, а русская — изъ 42.000.

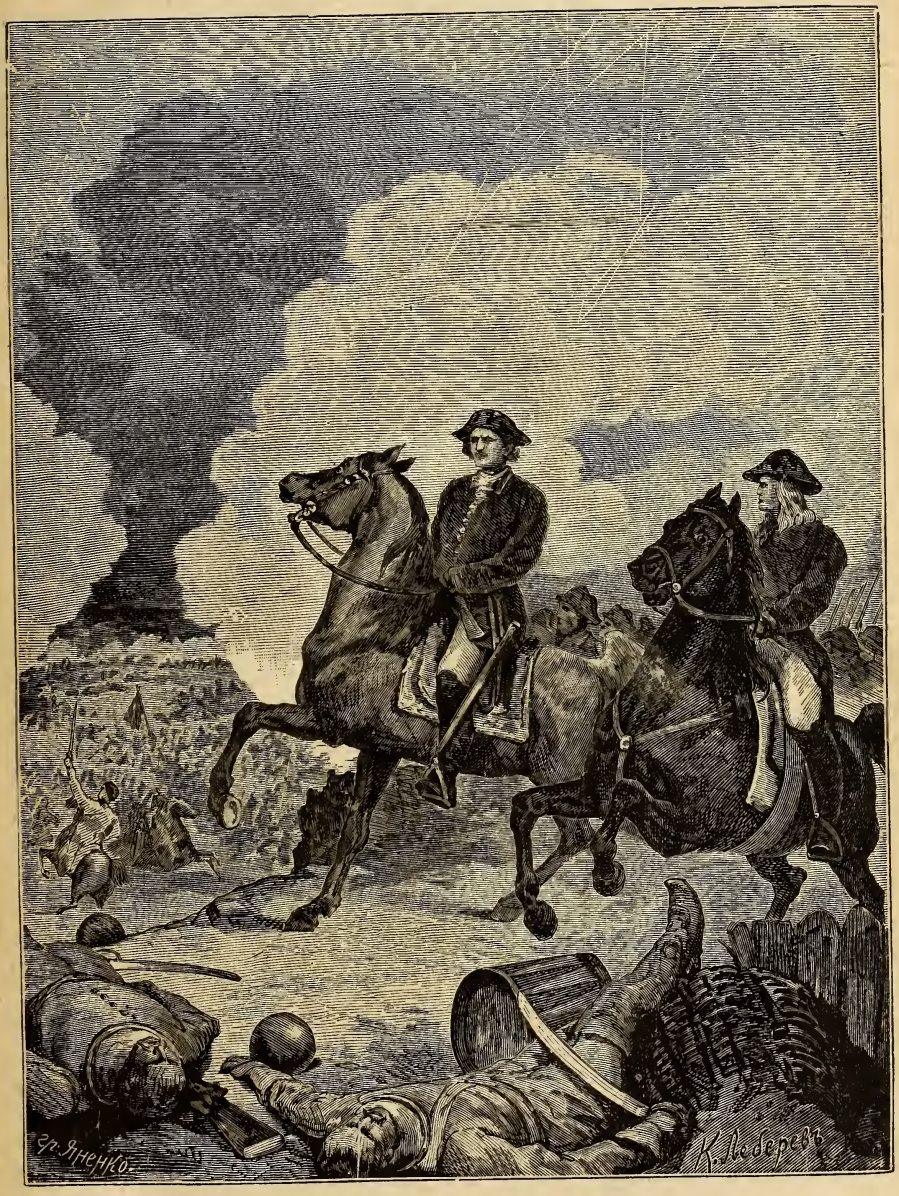
Готовясь къ битвѣ, Петръ откладывалъ ее со дня на день, ожидая прибытія 20.000 калмыковъ; но Карлъ XII, узнавши объ этомъ, приказалъ на разсвѣтѣ 27 іюня 1709 года двинуть войска въ битву. Итакъ, днемъ Полтавской битвы было 27 іюня, когда празднуется память св. Сампсонія. Шведскою арміею предводительствовалъ Реншильдъ. Самъ Карлъ XII получилъ передъ тѣмъ рану въ ногу и, сидя въ качалкѣ, приказывалъ возить себя по полю битвы. Желая ободрить своихъ воиновъ, шведскій король обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой напомнилъ ихъ прежнія безчисленныя побѣды, перенесенные труды и опасности.

— У насъ нѣтъ хлѣба, — такъ закончилъ Карлъ свою рѣчь: — въ русскомъ станѣ мы найдемъ его въ изобиліи. Тамъ мы будемъ обѣдать.

Вслѣдъ за этимъ шведы двинулись на поле битвы: впереди — пѣхота, позади — кавалерія.

Между тѣмъ, Петръ, извѣщенный еще наканунѣ однимъ перебѣжчикомъ о предстоящемъ наступленіи шведовъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія и приготовленія къ битвѣ. Передъ ея началомъ, желая воодушевить своихъ воиновъ, русскій царь обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Воины! пришелъ часъ, въ который вамъ предстоитъ рѣшить судьбу отечества; вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра: не за него, а за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за нашу православную вѣру и Церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго: она ложна, какъ вы



Полтавскій бой.

это доказали своими побѣдами надъ нимъ. Имѣйте въ сраженіи предъ глазами вашими правду и Бога, поборающаго за васъ; на Его Единаго, яко Всесильнаго во бранѣхъ (т.-е. въ битвахъ), уповайте, а о Петрѣ вѣдайте что ему жизнь его недорога: жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи.

И, дѣйствительно, онъ не жалѣлъ себя. Вездѣ, гдѣ только была опасность, виднѣлась богатырская фигура царя, громкимъ голосомъ одушевлявшаго своихъ храбрыхъ солдатъ. Въ зеленомъ мундирѣ и треугольней шляпѣ, на бойкомъ гнѣдомъ конѣ объѣзжалъ Петръ войска и, ободряя ихъ, говорилъ:

— Порадѣйте, товарищи!..

Громкое, бравое «ура» раскатывалось по рядамъ русскаго войска.

Такъ какъ царь-богатырь появлялся во время Полтавскаго боя въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, то пули такъ и свистали вокругъ него, — одна изъ нихъ прострѣлила ему шляпу, другая попала въ сѣдло, третья — въ висѣвшій на груди крестъ; но рука Божія хранила Своего избранника, и онъ не получилъ ни одной царапины.

Карлъ XII тоже не щадилъ своей жизни и приказывалъ возить себя всюду. Вдругъ ядро попало въ самую коляску короля, и онъ упалъ на землю. Шведскіе солдаты подумали, что ихъ вождь убитъ, — и ужасъ овладѣлъ полками, безъ того уже колебавшимися. Но Карлъ не былъ ни убитъ ни раненъ и, замѣтивъ смятеніе своихъ полковъ, велѣлъ поднять себя на скрещенныхъ пикахъ, всѣми силами стараясь остановить отступавшія войска. На этотъ разъ, однако, увѣщанія любимаго солдатами короля не подѣйствовали. Русскіе со всѣхъ сторонъ уже тѣснили враговъ: лучшіе шведскіе генералы сдавались одинъ за другимъ; еще одинъ натискъ, — и все шведское войско обратилось въ бѣгство. Самого короля, въ отчаяніи искавшаго смерти, приближенные, почти насильно, посадили на лошадь и увлекли, при чемъ онъ съ трудомъ избѣжалъ плѣна. Съ нимъ вмѣстѣ спасся измѣнникъ Мазепа съ нѣсколькими казаками. По

Шведы сдаются на капитуляцію послѣ Полтавской битвы.

выраженію Петра: «непобѣдимые господа шведы хребетъ показали».

Шведы потеряли убитыми 9.000 человѣкъ, плѣнными около 3.000, весь обозъ, артиллерію, казну и множество знаменъ. Русская армія потеряла убитыми 1.345 и ранеными

Памятникъ Полтавской побѣды, сооруженный къ столѣтнему юбилею этого событія въ 1809 году.

3.290 человѣкъ. Отслуживъ благодарственный молебенъ, Петръ для преслѣдованія разбитаго непріятеля послалъ 10 драгунскихъ и гвардейскихъ полковъ.

Вечеромъ 27 іюня на полѣ битвы Петръ устроилъ въ своей палаткѣ великолѣпный пиръ, на который были приглашены всѣ генералы. Свѣтло было на душѣ у Петра, и захотѣлось ему смягчить горе тѣхъ шведскихъ воиновъ, которые, несмотря на свою храбрость, попали въ плѣнъ и

теперь должны были, сидя подъ стражей, слушать радостные клики своихъ побѣдителей. Царь отдалъ приказъ тотчасъ привести къ себѣ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ, возвратилъ имъ шпаги, обласкалъ, хвалилъ за вѣрность своему государю.

Памятникъ на мѣстѣ, гдѣ Императоръ Петръ I отдыхалъ послѣ Полтавской побѣды, 28 іюня и 10 іюля 1709 г.

— Счастливъ вашъ государь, имѣя такихъ слугъ, какъ вы, — сказалъ Петръ и въ знакъ своего уваженія подарилъ старѣйшему изъ нихъ, храброму фельдмаршалу Реншильду, свою шпагу. Затѣмъ, наливши кубокъ вина, царь выпилъ за здоровье своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ.

— Кто же эти учителя? — спросилъ у государя Реншильдъ.

— Вы, господа шведы, — отвѣтилъ улыбаясь Петръ.

— Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей,— замѣтилъ плѣнный фельдмаршалъ.

Русскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ Полтавской битвѣ, государь наградилъ орденами, высшими чинами и вотчинами, офицеровъ — своими золотыми портретами и медалями, солдатъ — серебряными медалями и деньгами, а самъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта.

Въ Москвѣ, на радостяхъ, восемь дней сряду звонили въ колокола и палили изъ пушекъ; по улицамъ кормили и поили народъ, угощая вмѣстѣ съ тѣмъ и шведскихъ плѣнниковъ, а по вечерамъ зажигали потѣшные огни (иллюминацію).

По возвращеніи въ Петербургъ, Петръ заложилъ въ немъ, на Выборгской сторонѣ, храмъ во имя св. Сампсонія Странноприимца, память котораго празднуется 27 іюня — въ день Полтавской побѣды. Русскій царь сумѣлъ воспользоваться плодами этой побѣды. Въ 1710 году русскіе, взявъ крѣпости Выборгъ, Ригу и Ревель, стали твердой ногой на Балтійскомъ побережьѣ, при чемъ существованіе Петербурга вполнѣ обезпечилось. Послѣ Полтавской побѣды Петръ сдѣлался самымъ сильнымъ и вліятельнымъ государемъ въ сѣверной Европѣ. Это прочное положеніе русскаго царя на сѣверѣ не поколебалось и послѣ извѣстной неудачи въ такъ называемомъ Прутскомъ походѣ (въ 1711 году). Этотъ походъ получилъ свое названіе отъ того, что развязка русско-турецкой войны (въ 1710 и 1711 гг.) произошла на берегахъ рѣчки Прута. Возникновенію русско-турецкой войны больше всего способствовали Карлъ XII и дружественный ему французскій дворъ. Послѣ Полтавскаго пораженія Карлъ жилъ въ Турціи, и ему не разъ грозила выдача въ руки Петра. Россія требовала выдачи Карла, а онъ доказывалъ туркамъ своевременность и необходимость для турокъ войны съ Петромъ. Результатомъ его настояній была война Турціи съ Россіей. Въ ноябрѣ 1710 года Петръ объявилъ Турціи войну и задумалъ вести ее наступательно. Русскій царь разсчитывалъ на помощь турецкихъ славянъ, — на владѣтелей Молдавіи и Валахіи, — но никто изъ союзниковъ не явился на

Императрица Екатерина Алексѣевна, вторая супруга Петра Великаго.

помощь во́-время, вслѣдствіе чего малочисленное войско Петра было окружено громадными силами турокъ. Русскіе вступили въ переговоры о мирѣ съ великимъ визиремъ. Благодаря тому, что турки сами желали окончить войну, а также благодаря ловкости русскаго дипломата Шафирова былъ заключенъ миръ на условіяхъ, неособенно тяжелыхъ для Россіи: Петръ отдалъ Турціи Азовъ и нѣкоторыя укрѣпленныя мѣста близъ Чернаго моря, при чемъ отказался отъ вмѣшательства въ дѣла Польши. Хотя Петръ возвратился въ Россію — «не безъ печали», по его собственнымъ словамъ, но его избавленіе отъ плѣна было радостнымъ событіемъ для всей Россіи. Въ 1712 году царь вступилъ во второй бракъ съ дочерью лифляндца Скавронскаго. Въ Лифляндіи она попала въ плѣнъ къ русскимъ и долго жила у Меншикова; въ его домѣ она стала извѣстна Петру и сумѣла ему понравиться. Принявъ православіе, она получила имя Екатерины Алексѣевны.

Послѣ турецкой войны Петръ усиленно принялся за постройку кораблей. Въ 1712 году русскіе уже имѣли до 30 большихъ кораблей и болѣе 150 всякихъ другихъ военныхъ судовъ. Въ два года адмиралы Апраксинъ и Голицынъ завоевали всю Финляндію; самъ Петръ одержалъ побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гангеудѣ, взялъ въ плѣнъ шведскаго адмирала съ фрегатомъ и 10 галерами. Карлъ XII уже готовъ былъ мириться, какъ былъ убитъ при осадѣ одного города въ Норвегіи. Война опять затянулась. Чтобы понудить шведовъ къ миру, царь нѣсколько разъ посылалъ военные корабли къ берегамъ Швеціи, гдѣ русскіе страшно жгли и опустошали города и села. Наконецъ, стараніями искуснаго русскаго дипломата Остермана миръ былъ заключенъ въ 1721 году, въ городѣ Ништадтѣ (недалеко отъ г. Або). По условіямъ этого мира, Петръ получилъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію и Карелію, но возвратилъ Швеціи Финляндію; такимъ образомъ, значительная часть береговъ Балтійскаго моря, прилегающая къ Финскому и Рижскому заливамъ, а также все теченіе рѣки Невы — стали принадлежать Россіи.

Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ.

Получивъ извѣстіе о заключеніи мира, царь, находившійся тогда въ Выборгѣ, немедленно отправился въ Петербургъ. Приближаясь къ городу, онъ велѣлъ каждую минуту стрѣлять изъ пушки, въ то же время трубилъ трубачъ. Народъ догадался, въ чемъ дѣло, и поспѣшилъ къ пристани, которая находилась тогда у крѣпости и Троицкаго собора. Приблизясь къ пристани, Петръ закричалъ: «Миръ, братцы, миръ!» и сейчасъ же отправился въ соборъ. Послѣ молебна, царь поздравлялъ народъ и пилъ за его здоровье.

Пальба съ Петербургской крѣпости, адмиралтейства, судовъ, стрѣльба изъ ружей, производимая 23 полками, — все возвѣщало всеобщую радость. Нѣсколько дней жители столицъ—Петербурга и Москвы—весело праздновали заключеніе Ништадтскаго мира. Для простого народа устроены были, между прочимъ, два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино. Затѣмъ царь устроилъ маскарадъ, на который было приглашено болѣе пятисотъ особъ обоего пола. Сенатъ, учрежденный Петромъ Великимъ въ 1711 году, убѣдилъ государя по случаю успѣшнаго окончанія «великой сѣверной войны», продолжавшейся 21 годъ (1700—1721 гг.), принятъ титулъ «отца отечества и императора». Такимъ образомъ, начиная съ 1721 года, русское государство начинаетъ называться «Россійскою Имперіею».

Въ отвѣтъ на поздравленія приближенныхъ по случаю окончанія столь славной и вмѣстѣ съ тѣмъ столь тяжелой для русскаго народа борьбы со шведами, Петръ говорилъ: «Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ какъ внутри, такъ и извнѣ, отчего будетъ облегченъ народъ. Богъ явно кладетъ намъ передъ очами, чего можно этимъ трудомъ достигнуть».

Послѣ заключенія Ништадтскаго мира, при Петрѣ уже не было значительныхъ войнъ. Лишь въ 1722 году, воспользовавшись смутами въ Персіи, онъ предпринялъ походъ на судахъ внизъ по Волгѣ и по Каспійскому морю, къ берегамъ Кавказа. Въ 1724 году заключенъ былъ съ Персіей миръ, по которому русскіе пріобрѣли Дербентъ и Баку съ сосѣднимъ прибережьемъ. Такъ положено было начало завоеванію Кавказа.

Вслѣдствіе постоянныхъ тяжелыхъ трудовъ, Петръ нерѣдко болѣлъ, но обыкновенно не обращалъ вниманія на свое болѣзненное состояніе. Такое невниманіе къ своему здоровью было одною изъ причинъ преждевременной кончины великаго преобразователя Россіи. Въ сентябрѣ 1724 г. онъ серіозно заболѣлъ,— но въ октябрѣ, не оправившись окончательно отъ своей болѣзни, отправился осматривать работы на Ладожскомъ каналѣ; потомъ побывалъ на олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, осмотрѣлъ также соле-варни въ Старой Руссѣ. Вернувшись въ Петербургъ въ октябрѣ, не обращая вниманія на свою болѣзнь, царь отправился на Сестрорѣцкій заводъ. Приближаясь къ селенію Лахта, онъ увидѣлъ, что ботъ съ солдатами, который плылъ изъ Кронштадта, сѣлъ на мель. Погода была бурная, ботъ сильнымъ волненіемъ било объ мель, и людей смывало въ море. Государь, желая спасти утопавшихъ солдатъ, выскочилъ изъ шлюпки и, стоя по поясъ въ студеной ноябрьской водѣ, сталъ вмѣстѣ съ другими стаскивать ботъ съ мели и спасать людей; тогда-то Петръ жестоко простудился и схватилъ лихорадку, которая свела его въ могилу.

28 января 1725 года Петра Великаго не стало.

XI.

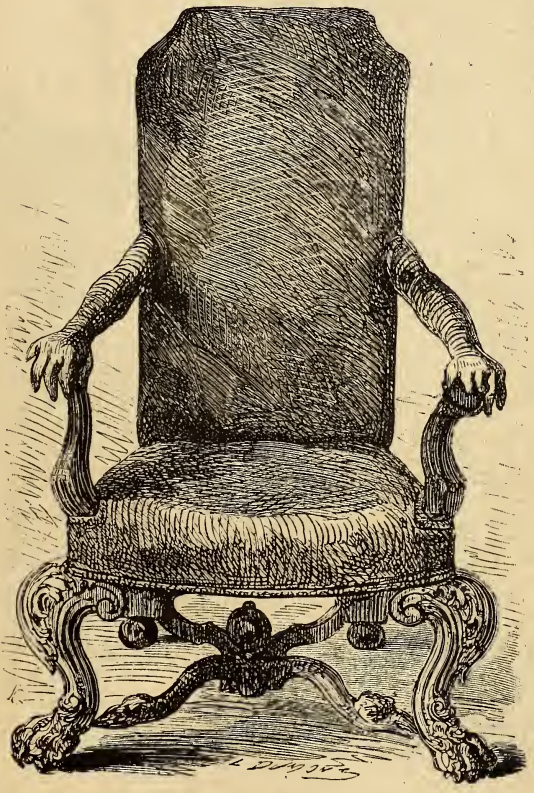
Хотя горячая любовь къ родинѣ и къ своему народу, въ связи съ глубокою вѣрою въ его способности и дарованія, какая наблюдалась во многихъ дѣяніяхъ великаго преобразователя Россіи, до извѣстной степени и можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ: за что полюбилъ народъ перваго россійскаго императора? Но для полученія болѣе обстоятельнаго отвѣта на только что поставленный вопросъ, мы укажемъ еще на другія черты личности и характера Петра Великаго, которыя не могли не обратить на себя вниманія народа и не вызвать въ немъ симпатіи и сочувствія къ себѣ.

Начнемъ съ трудолюбія. О безпримѣрномъ трудолюбіи перваго россійскаго императора свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и самое его времяпровожденіе.

Вставалъ онъ обыкновенно — въ 3 или 4 часа утра; позанявшись нѣсколько дѣлами, завтракалъ въ 6 часовъ, затѣмъ выѣзжалъ въ одноколкѣ или верхомъ на работу или на постройки, а оттуда въ Адмиралтейство и въ Сенатъ. Обѣдалъ обыкновенно въ часъ пополудни; послѣ обѣда прочитывалъ иностранныя газеты, дѣлалъ на нихъ свои замѣтки карандашомъ или же записывалъ въ свою записную книжку наиболѣе важное изъ прочитаннаго; потомъ ложился часа на два отдыхать. Въ четыре часа пополудни онъ выслушивалъ докладъ о дѣлахъ, касавшихся государственнаго управленія и устройства, а по окончаніи докладовъ онъ принимался за токарныя работы. Осматривая очень часто производимыя въ Петербургѣ работы, Петръ входилъ обыкновенно въ рабочія избы и разговаривалъ съ мастерами о лучшихъ способахъ совершенія той или другой постройки. Вечера проводилъ русскій царь или дома, разговаривая о государственныхъ дѣлахъ съ сановниками, или занимаясь составленіемъ плановъ предпринимаемыхъ построекъ и сооруженій, или же бывалъ въ гостяхъ у своихъ подданныхъ. Просыпаясь нерѣдко ночью, онъ бралъ аспидную доску и грифель, которые висѣли надъ его кроватью, и записывалъ на этой доскѣ пришедшія ему въ голову мысли, а поутру прочитывалъ записанное, при чемъ однѣ мысли приводилъ въ исполненіе, а другія вносилъ въ свою записную книжку и отлагалъ ихъ исполненіе до другого, болѣе благопріятнаго времени. Иногда ночью онъ чертилъ планы кораблей и крѣпостей.

Во время сооруженія кораблей на Воронежской верфи Петръ ежедневно присутствовалъ при работахъ, прибивалъ своими руками болты, помогалъ въ подъемѣ и переноскѣ тяжестей, тесалъ брусья, бревна и доски, конопатилъ корабли, варилъ смолу и смолилъ суда; ѣздилъ на желѣзные заводы, разбиралъ на нихъ матеріалы, лилъ пушки, бомбы и ядра и, между прочимъ, собственноручно сковалъ якорь. На Тульскомъ заводѣ хранится до сихъ поръ полоса желѣза, выкованная Петромъ. Побывавъ на олонецкихъ желѣзныхъ заводахъ, государь не только все осмотрѣлъ и обо

всемъ разспросилъ, но и выковалъ полосу желѣза вѣсомъ въ три пуда. Въ петербургскомъ Троицкомъ соборѣ находится паникадило, сдѣланное самимъ Петромъ, а въ Петропавловскомъ соборѣ — два костяныхъ паникадила, большой крестъ, находящійся на престолѣ, и лампада предъ образомъ св. Петра — также издѣліе рукъ нашего государя.

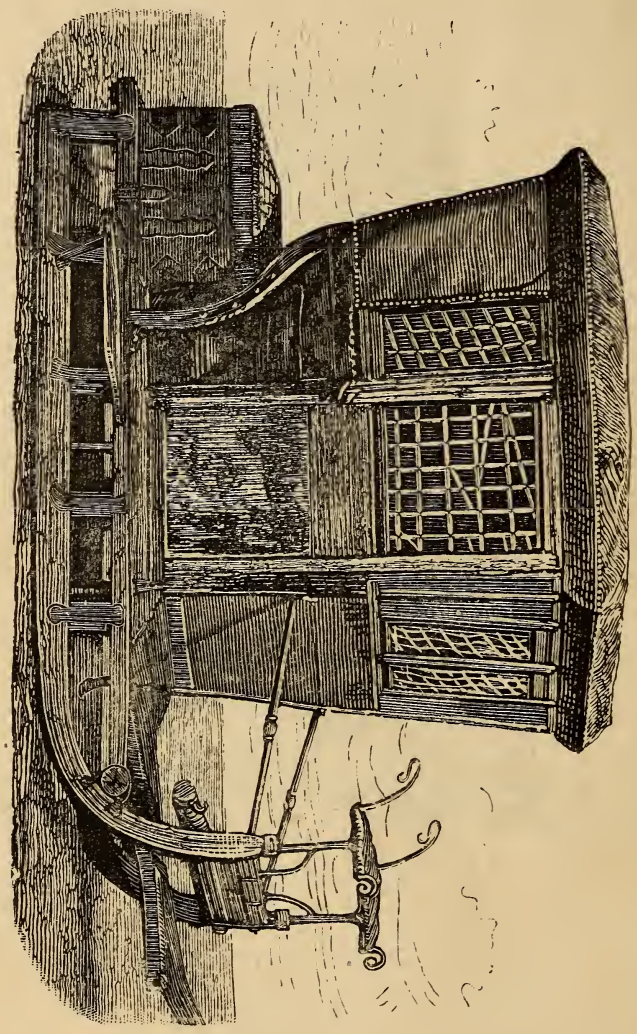


Кресло Петра Великаго.

Петръ любилъ труды и ненавидѣлъ праздность, а потому награждалъ знающихъ и трудолюбивыхъ людей, которые добросовѣстно исполняли возложенныя на нихъ обязанности; награждая людей достойныхъ, онъ не обращалъ вниманія на ихъ происхожденіе.

Какъ было уже замѣчено, Петръ I охотно поощрялъ всѣхъ способныхъ и трудолюбивыхъ людей, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе,—поэтому-то при немъ многіе изъ незнатныхъ людей дошли до самыхъ высокихъ

должностей. Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Петру сановниковъ, вышелъ изъ простонародья. Вице-канцлеръ, баронъ Шафи-

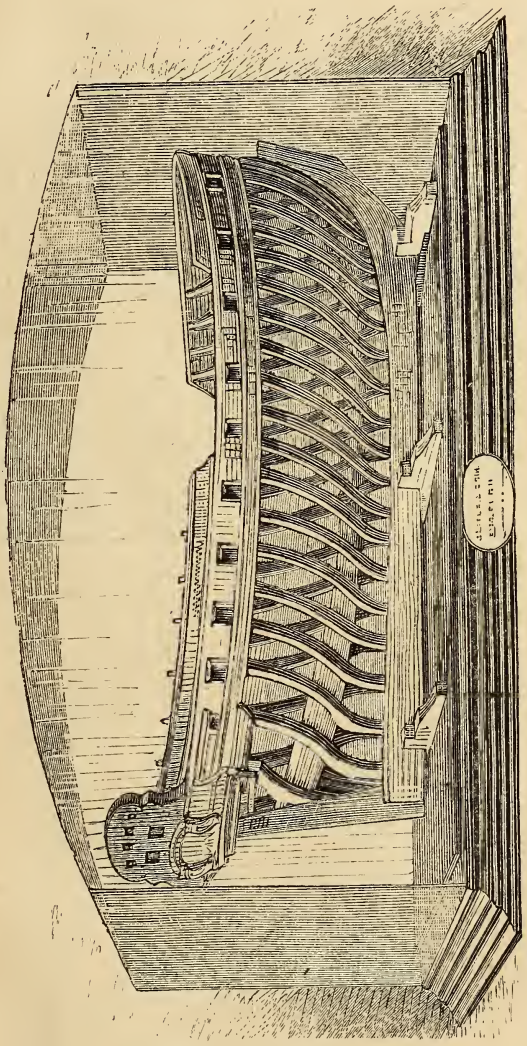


Дорожный сани Петра Великаго.

ровъ, въ молодости служилъ приказчикомъ у московскаго купца Евреинова.

Необычайное умѣнье отличать способныхъ и даровитыхъ людей соединялось иногда у великаго преобразователя

Россіи съ особеннымъ желаніемъ наградить или поощрить способныхъ людей, хотя бы они, будучи людьми остроумными, ни въ чемъ серіозномъ не проявили своихъ способностей.



Модель корабля, сдѣланная Петромъ Великимъ; находится въ Морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Любя правду, Петръ постоянно заботился о доставленіи должнаго правосудія своимъ подданымъ. Въ государевомъ указѣ, данномъ Сенату, было сказано: «Судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ

чести и всего имѣнія». Судей, оказавшихся пристрастными при рѣшеніи различныхъ судебныхъ дѣлъ, слѣдовало, по мнѣнію Петра, наказывать такъ же строго, какъ государственныхъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ съ поля битвы.

Насколько интересы правосудія были близки сердцу Петра, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай. Въ Лѣтнемъ саду находился дубъ, посаженный самимъ Петромъ; подъ этимъ дубомъ былъ сдѣланъ круглый столъ, а на столѣ въ хорошую погоду ставили чернильницу и клали бумагу. За этимъ столомъ нерѣдко сиживалъ Петръ Великій, углубляясь въ размышленія, и у этого мѣста ставили особаго часового.

Простотѣ въ обращеніи со своими подданными соотвѣтствовала и простота жизни великаго преобразователя Россіи. Онъ носилъ обыкновенно дешевое суконное платье, рубашку безъ манжетъ; шляпа его была безъ позумента, шпага съ мѣднымъ, безъ позолоты, эфесомъ, обвитымъ черной проволокой. Ходилъ зачастую въ заплатанныхъ сапогахъ и въ заштопанныхъ шерстяныхъ чулкахъ.

Обыкновенный царскій обѣдъ былъ изъ немногихъ и самыхъ простыхъ блюдъ, какъ-то: изъ щей, каши, студня, поросенка со сметаной, холодной жареной говядины съ огурцами, солонины, ветчины и лимбургскаго сыра.

При себѣ Петръ постоянно держалъ только одного камердинера. Никогда не ѣздилъ онъ въ каретѣ или въ коляскѣ, но всегда въ одноколкѣ.

Одинъ иностранецъ привезъ въ Петербургъ большой и дорогой цѣны алмазъ; онъ предложилъ его купить императору, какъ любителю рѣдкостей, — но государь, взявъ алмазъ въ руки, нѣсколько посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Непростительно было бы мнѣ на покупку безполезной вещи потратить большую сумму трудовыхъ денегъ своего народа.

Итакъ, кромѣ горячей любви къ своей родинѣ и къ своему народу, въ связи съ глубокой вѣрой въ его способности и дарованія, изумительное трудолюбіе, близость къ народу и простота обращенія и жизни, рѣдкое правдо-

любіе и справедливость, — вотъ тѣ особенности личности перваго россійскаго императора, за которыя могъ и, дѣйствительно, полюбилъ русскій народъ своего царя-богатыря, великаго работника и славнаго наставника своихъ подданныхъ, о которомъ нашъ великій поэтъ Пушкинъ сказалъ:

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ, —
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Памятникъ Петру I въ Петербургѣ.

140 —

4719